

ДМИТРИЙ РОМОВ

**СТАРАЯ
ШКОЛА
РУЛИТ**

ВТОРОГОДКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Ромов

Второгодка. Книга 1.

Старая школа рулит

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72696301
SelfPub; 2025*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Что если ты вернулся в школу со всеми знаниями, которые накопил?

Что если ты – волк, а твой класс – стая избалованных щенков?

Что если среди них – сын того, кто тебя предал?

В девяностых, он был опером и погиб, защищая невинного. Но не умер, а перенёсся в тело десятиклассника в наши дни. А значит история с его убийством ещё не закончена. Он должен отомстить предателям и восстановить справедливость. Ведь у него есть собственный кодекс чести.

Но сейчас его положение – хуже некуда. Одноклассники – мажоры, директриса хочет отчислить. А старые враги имеют

власть и силу. Только он не привык сдаваться. Он человек старой школы и готов бросить вызов всему миру!

Дмитрий Ромов

Второгодка. Книга 1.

Старая школа рулит

0. Бешеный

Март 1995, Верхотомск, областной центр

– Никитос! – позвал я.

Мой товарищ оторвал взгляд от круглосуточного ларька и обернулся, выпустил из руки разлапистую сосновую ветку. Она пружинисто взмыла, возвращаясь на место, закачалась. Сверху полетели редкие снежные хлопья.

– Ну, ты как? – подмигнул я.

С этим делом он был весь на стрессе, на нервах, осунулся, на привидение стал похож. Да я и сам чувствовал сильное напряжение.

– Нормально, – неохотно ответил он и отвернулся.

– Никит, хорош уже. Мы с тобой кто?

– Чего? – он снова повернулся ко мне и нахмурился.

– Ну, – развёл я руками, – кто мы с тобой такие?

– Менты, – ответил он с презрением и сплюнул на облитый солнцем и заледеневший к вечеру снег. – И дебилы, вот кто.

– Блин, братан, ну хорош уже, – примирительно улыбнулся я. – Понятно, что менты, я ж не об этом. Мы с тобой последние защитники справедливости, забыл? Весь мир только на нас и держится. И у нас есть принципы, так?

Он кивнул и посмотрел в сторону, на дорогу, по которой, стуча шипами, промчал бордовый «Пэтрол».

– Если бы не эти принципы, – мрачно сказал он и достал из кармана пачку «Парламента», – мы бы с тобой давно на таких же гоняли.

Это он, чтоб меня позлить. Была у него такая привычка.

– Нет, братишка, – невесело усмехнулся я. – Если бы не эти принципы, я бы сейчас здесь не стоял, потому что тогда в Афгане, в том ущелье ты помчался бы с первым отделением спасать свою шкуру. Вот что было бы. А потом и сам остался без башки, потому что я бы уже не смог вышибить мозги тому духу, да? И гранату тоже, наверное, помнишь? Не забыл ещё?

– Не забыл, – процедил он сквозь зубы и снова уставился на ларёк, разминая в пальцах сигарету. – Только с тех пор многое изменилось и никаких принципов и правил давно не осталось. Посмотри вокруг. Каждый сам за себя и выживает, как может.

– Ты походу американских боевиков насмотрелся. Ладно, короче, хочешь делать вид, что ни чести, ни совести не существует, вали домой, я один разберусь. Задолбало твоё нытьё слушать.

– Ага, – хмыкнул он. – Рэмбо, в натуре. Разберётся он. Ты с бабой своей разобраться не можешь, а тут разберёшься, да? Насмешил, блин.

– Так! Никитич, это чё за базар, я не понял!

– Да ничё-ничё, кто тебе скажет-то если не я? Ты ж у нас Бешеный. Тебя, кроме твоих дурацких правил, кроме кодекса твоего ничего больше не интересует. Все вокруг в дерьме по уши, а ты один чистенький. Зорро, в натуре! А Катюхе твоей жить хочется, пока молодая и красивая. Другая бы давно загуляла, или бросила. И не потому что сука, а потому что тебе на всех плевать. И на неё плевать, и на меня тоже. А вот на эту шлюху Юлю не плевать почему-то. Ты, может, шпилишь её между делом?

– Ты больной что ли? – нахмурился я и сжал зубы.

Честно говоря, это уже было похоже на истерику.

– Никит, тебе реально по барабану, что сейчас подъедет Ахмат со своей шоблой и в прямом смысле эту Юлю на куски порубит? А ведь это мы с тобой гарантировали, что если она даст показания, ей никто ничего не сделает.

– Допустим, не мы, а ты, – хмыкнул Никита, вставил в зубы сигарету с белым фильтром и щёлкнул зажигалкой.

– Ну, зашибись, – пожал я плечами. – Понял. Говорю же, можешь идти, куда там тебе надо было. Я ей гарантировал, я и обеспечу.

– Да не надо вот этого. Знаю я, ты благородный и неподкупный, человек чести, сска. А я дерьмо неблагодарное.

– Ну, это ты сам сказал.

– Это у тебя на лбу написано, брателло. Титры. Ладно, за-колебал ты, знаешь ведь, что не брошу. Просто я предупреждал, что Ахмата выпустят и никакие твои железные улики, показания и вещдоки никто даже рассматривать не станет. Ахмат под кем ходит? Под Ширяем. А Ширяй нашего генерала за какой орган держит? За кошелёк, Серый. За кошелёк. Поэтому генералу нашему твои представления о чести и справедливости...

– Это не мои представления, это кодекс уголовный. А если не работает уголовный, тогда включается мой личный кодекс чести.

– Кодекс он тоже в гробу видал. И твой, и уголовный, и даже кодекс джедая. Ему вообще всё похеру.

– Перестанет быть похеру, – пожал я плечами, – потому что если Ахмат хотя бы дёрнется, я ему башку снесу. А по генералу я информацию собираю. Помнишь Саню Мамаева, замка из третьего взвода? Мамаев?

– Да чё с тобой, Серёга, какой к лешему Мамай? – взорвался Никита. – Забудь ты про Афган! Уже сто лет прошло. В стране другая жизнь давно. Вообще другая. Свободная, блин и демократическая. Сейчас человек человеку не товарищ и брат, а волк и враг. Сейчас только бабки решают, а не кодексы. Ты прям, как дитё малое.

– Так вот, – продолжил я. – Мамаев, между прочим, работает в министерстве. И не где-нибудь, а в недавно организо-

ванной службе собственной безопасности. И он мне сказал, что поддержит и поможет, если я соберу материалы. Не все продажные, Никита. Не все.

– Не поддержит, – вздохнул он. – Если генерал наверх регулярно заносит, то...

– Так, тихо! – прервал его я. – Пошли!

Мы вынырнули из-за деревьев и рванули в сторону ларька. Обычный круглосуточный ларёк, выкрашенный голубой краской, потрескавшейся и облупившейся за зиму. Такой же точно ларёк, как и все остальные на площади у старого цирка, с зарешеченными окнами, со сникерсами и всеми этими чудесами из огромного свободного мира.

А Юлька, молодая отчаянная баба, в одиночку воспитывающая дочку, взяла этот самый ларёк на территории Ахмата, наняла какого-то малохольного чувачка в напарники и стала вкалывать. На учительскую зарплату прожить было нереально, вот и взвалила на себя не бабскую ношу.

Ну, а Ахмат... он же падишах, здесь всё его и, главное все его. Он брал, что хотел и кого хотел. Прицепился к девчонке. Она хоть и не красавица, но молодая, фигурка ладная и, главное, ни в какую. Не давала. Тут любая по щелчку перед ним ноги раздвигала, а эта упёрлась.

Он и так и эдак, а она – нет. Ну вот, его и рубануло. Ворвался, избил и прямо в ларьке взял то, что по его пониманию, принадлежало ему по праву. И на следующий день, и потом снова. Никита узнал, мне рассказал.

Ну, мы Ахмата взяли. У него и ствол на руках оказался, и свидетельские показания нашлись, правда потом были отозваны, но и так хватило бы на долгую счастливую жизнь на зоне. Да только сегодня его выпустили. И вот он со своими корешами приехал наказывать Юлю. Подъехали на двух «Карирах» прямо к ларьку, перекрыли проход.

Я рванул вперёд. Никита побежал за мной.

– Э, Бешеный! – дёрнулся мне навстречу громила с бритой головой и квадратной челюстью. – Куда летишь, мусарелло! Стоять, я ска...

Не договорил. Не останавливаясь я ткнул стволом «макарова» в кадык, и он захрипел, упал на колени, затыкал, как шакал. Я не обернулся, побежал дальше.

– Стоять! – рявкнул ещё один пёс и выхватил из расстёгнутой кожаной куртки волюну.

Выхватил и... и тут же – БАХ! Я ведь не шутил и успел раньше него, влупил шесть граммов свинца ему в грудь. Он отлетел, и в тот же момент открылась дверь ларька, из неё высунулся Барсук, подручный Ахмата, больной урод и садист.

Со всей дури впечатал я подошву ботинка в тяжёлую железную дверь и она, как пневматический пресс по раскалённой заготовке шарахнула по уродливой несимметричной голове. Барсук охнул и пополз вниз, оставляя на косяке красно-коричневый след.

Я влетел внутрь, обрушив башню из пивных упаковок. Юля стояла ни жива, ни мертва, а к её голове был приставлен

ствол. Из носа тонкой струйкой стекала кровь, воротничок курточки был разодран.

– Ты, мусор поганый, – скривился в усмешке низкий коренастый Ахмат, – на кого пасть разинул? Я ей сейчас мозги вышибу и мне ничего не будет. И тебе вышибу, и тоже ничего не будет. А потом домой к тебе приду и твою бабу....

– Не бойся, Юль, – перебил его я. – Он не посмеет, потому что знает, если что, я из него решето сделаю. Сначала выстрелю в плечо, чтобы он больше не мог на спуск нажать, потом в колено, во второе колено, во второе плечо. И только после этого – в член. Он будет лежать и истекать кровью. Корчиться будет, визжать, как свинья. Будет умолять добить, но я дождусь, когда он сам кончится. Знает, что не шучу, поэтому не дёрнется.

– Считай, ты уже покойник! – зарычал Ахмат, и я заметил, что он побледнел. – Тебя генерал за яйца подвесит, если хоть один волосок с моей головы упадёт. Так что иди лесом, мент! Вали, сука!

В этот момент снаружи щёлкнул выстрел и тут же ещё один и ещё. Ахмат на мгновение отвлёкся, глянул в окно. Одна секунда, даже меньше. Один миг. Глянул и... всё. Подписал приговор. Вернее, приговор он подписал раньше, а теперь я просто привёл его в исполнение.

Бах! Юля вскрикнула, и в ларьке кисло запахло порохом. Ахмат завалился на коробки, на все эти марсы, спрайты и видеокассеты. Распахнулась дверь, я резко обернулся. Это

был Никита.

– Там чисто, – кивнул он и быстро подошёл к Ахмату. Наклонился и трижды нажал его пальцем на спусковой крючок. Бах! Бах! Бах!

Юля присела закрыла руками уши и задрожала от рыданий. Никита грубо оторвал её руки и заговорил громко и напористо.

– Ахмат ворвался, начал избивать, пытался изнасиловать. Вошёл капитан Бешметов, потребовал прекратить. Ахмат начал стрелять в Бешметова. Дальше ты ничего не помнишь. Всё. Поняла?

Она несколько раз кивнула.

– Серый, пошли, сейчас группа подъедет, – бросил Никита и открыл дверь.

– Юль, – кивнул я. – Всё. Не бойся. Кончились твои страдания. Больше никто к тебе не сунется.

Она снова кивнула и всхлипнула, размазывая по щекам тушь, слёзы и помаду, а я вышел наружу вслед за Никитой.

– Ну, брат, это ты загнул, что всё кончилось, – хмыкнул он. – Ничего для неё не кончилось, а только началось. Думаешь, Ширяй оставит это просто так?

– Никит, ну кто такой этот Ширяй? Посуди сам. Я считаю, он больше не полезет. Он думал, что если купил закон, то может делать, что захочет, и что его бригадир может насиловать, грабить, убивать. Но теперь призадумается. А Ахмат... ты же знаешь, сколько на нём душ. Нет, братан. Справедли-

вость на нашей стороне. А Ширяй теперь лишний раз подумает, прежде чем что-то сделать.

Вернувшись в управление, мы десять раз всё доложили злому, как собака майору Кузьмичёву. Он орал так, что стёкла дрожали. Никита шарахнул дверью и свалил, а я засел за писанину, но после одиннадцати швырнул ручку, выматерился и двинул домой. Было уже около полуночи, когда я нажал кнопку звонка.

– Привет, – кивнул я, когда, дверь открылась. – Чего не спрашиваешь?

Она не ответила, повернулась и бросила на ходу:

– У нас гость...

– Кто так поздно? – удивился я и прошёл за ней на кухню.

На столе стояла открытая бутылка «Наполеона», конфеты. Я нахмурился.

– О... Никита... А ты чего?

– К Катюхе твоей подкатываю, а она ни в какую, – ощерился он, а Катя внезапно покраснела.

– Чего?

Он был нормально так под градусом.

– Да ладно, не парься, гостинцы принёс, – подмигнул он и кивнул на два больших пакета, стоявших на буфете. – Чтoб вы тут с голоду не перемерли. Зарплату хрен знает когда дадут, да? Краб камчатский, балычок, икорка, ну и всякое та-

кое. Там колготки ещё, но я в них вообще не шарю, «Омса» какая-то, велюр или чё там... Короче, сказали просто атас, самый писк. Но если не подойдут не бейте.

– Ничего себе, – нахмурился я. – Это как ты так?

– Хочешь жить – умей вертеться.

– Ясно...

– Ну, хорош, Серый. Мы же братья. Чего набычился-то?

И правда, чего это я набычился? Он же по-братски... Же-не моей колготки вот принёс... На душе стало противно, будто царапнули чем-то. Кате тоже, кажется, было не по себе. Она смотрела в сторону, а на щеках играл румянец.

– Спасибо, Никит. Сколько должен тебе?

– Чё ты мелешь, Серёга? Должен, блин. Не расплатишься. И я тебе тоже. Столько же. Всё, закрыли тему. Поехали.

– Куда? – удивился я.

– Генерал нас с тобой вызывает. За сегодняшний подвиг наградить хочет.

– Блин... Быстро, скотина.

– Отобьёмся. Живых не осталось. А торгашка твоя всё как надо сказала.

При упоминании торгашки, Катя повернулась ко мне и взгляд её сделался вопросительным.

– Да не, не, – засмеялся Никита, перехватив этот взгляд. – Ты не думай, там ничего такого. Погнали, Серый, а то люлей нахватаем.

Мы вышли из подъезда. Никита достал из кармана ключи и нажал на кнопку на брелоке. Пик-пик. Красная девятка моргнула фарами.

– Никитос, я не понял... Чё за тачка?

– Садись, – довольно ответил он, – прокачу с ветерком.

– Ты ж бухой.

– Ну, арестуй меня, – глумливо, как умел только он, рассмеялся Никитос.

Я открыл дверь и сел на пассажирское сиденье. Он бросил на заднее сиденье портфель и уселся за руль.

– Откуда дровишки? – похлопал я по панели.

– У Ноздри отжал, – усмехнулся он.

– То есть? – нахмурился я.

– Вот тебе и «то есть». Просто наехал на него и отобрал ключи. Ничё с ним не сделается, не обеднеет. Поезжу и отдам. Потом. У него не только рыло, он весь полностью в пуху, так что заявлять не станет. Посадить мы его не можем, ну, так по-другому пускай вину искупает. Ты же сам говорил о справедливости и неотвратимости. Я считаю, что в данном случае поступил совершенно справедливо. И тебе советую. Сейчас на зарплату не проживёшь, тем более, её чё-то не платят уже вон сколько.

Он лихо газанул, колёса шлифанули на месте, выбрасывая гроздь чёрной ледяной каши.

– Шумахер, – покачал я головой.

Мне вся эта история не нравилась. И подарки, и разговоры у ларька, и ночной вызов к большому начальству, и машина эта. И взгляд Никиты не нравился. Будто накосячил и ждёт, что я узнаю.

– Слушай, – задушевно, но как-то фальшиво начал он, когда мы выехали из двора, – мне Кузьмичёв намекнул, что генерал хочет мне место начальника Ленинского РОВД предложить.

– Чего? – напрягся я.

– Пойдёшь со мной? Запом, а?

– Ну, во-первых, после сегодняшних мероприятий всё может накрыться медным тазом, мне кажется, а, во-вторых... с какого это хрена, вообще-то?

– Ну, с какого... С такого. Не зря же я с Епишкиным целый год бухал. Вот он и пошустрил, поговорил, с кем надо.

– И что, будешь ему заносить каждый месяц? Генералу.

– Блин, Серый, ты чё такой нудный, капец, просто!

– Сажать его надо, понимаешь?

– Да посадим мы его, посадим, не ссы. Только сначала поближе подберёмся, материалы соберём. Пойдём, мне без тебя хреново будет. Вместе сделаем образцовый райотдел. Соглашайся, брат!

Я замолчал. Он посмотрел на меня, качнул головой, вздохнул и включил радио. «Младший лейтенант, мальчик молодой...» – запела Аллегрова.

– Погоди-ка, – сказал я, глянув в окно. – А ты куда едешь-

то?

– Да, на дачу к нему, – недовольно ответил Никита. – Он сейчас на даче живёт. Вот, приказал туда прибыть.

– На дачу? Серьёзно? Может, ещё в баньке попаримся? А ты откуда знаешь, где у него дача?

– Так он же адрес сказал... Ну, не сам, конечно, через майора. Да не загоняйся ты, тут ехать двадцать минут всего.

– В Журавлёво, что ли?

– Да, рядом там, в лесу. Где наш профилакторий знаешь? Вот там, только поближе к реке.

Дача оказалась крутой виллой за высоченным кирпичным забором, страшно дорогой, но уродливой. С собственной охраной, небольшим КПП и асфальтированными, полностью расчищенными дорожками. Дежурный, похожий на братка, сопровождал нас к срубам из метровых кедровых брёвен.

– Точно, в баню, – весело подмигнул мне Никита, и я понял, что он нервничает, причём сильно.

– Прорвёмся, – кивнул я ему. – Не дёргайся. На назначение это не повлияет. Я скажу что, ты ни при чём, что вообще не знал. Главное, не дыши на начальство.

Он не ответил, только сжал челюсти и покатал желваки. Мы прошли через предбанник и оказались в просторной комнате отдыха. Было жарко, пахло берёзовыми вениками и чаем со смородиной. На столе стоял самовар, кружки с пи-

вом и водка. А ещё тарелки с рыбой, колбасой, ветчиной... ещё какие-то яства. Я скользнул по столу взглядом и остановился на двух распаренных, мордатых дядьках.

Один из них был начальником городского управления, а вот второй... Вот же суки, ничего не боятся! Вообще ничего. Вторым боровом оказался Ширяй. Бандос, который весь город держал в страхе.

– Ты что, Бешметов, вообще из ума выжил? – как бы нестрого и даже по-дружески, поинтересовался генерал и отхлебнул из кружки пиво. – Ты зачем Ахмата с его людьми пострелял? Рехнулся?

– Так они напали, товарищ генерал-майор, пришлось отстреливаться, – пожал я плечами. – Они разбойное нападение совершили и покушение на изнасилование.

– Покушение, – усмехнулся он, а Ширяй на меня даже не взглянул, занимаясь разделкой рыбыны. – Одни от тебя неприятности. Вред один. В общем, дурак ты, Бешметов. Ладно, горбатого, как говорится, только могила исправит. Ты что, материалы на меня собираешь?

Твою мать! Сердце подпрыгнуло. Меня будто молнией прошило. Насквозь.

– Какие ещё материалы? – нахмурился я.

– Какие? Это ты скажи? В Москву, в собственную безопасность, говорят обращался.

Сука! Я резко обернулся и полоснул Никиту взглядом, но он только плечами пожал.

– Из министерства сообщили, – развёл руками генерал. – Дурак, говорят, Бешеный твой, как есть дурак. Ты уж его об-разумь как-то, а то с дураками каши-то не сваришь. Пони-маешь, Бешметов? Каши с тобой не сваришь. А как жить без каши-то?

Он вздохнул и уставился на меня в упор. Глаза у него были добрыми, лучистыми, щёки – розовыми, как у пупса, а голос – мягким и задушевным.

– И что с тобой делать прикажешь, а? Где материалы? Ни-кит, ты нашёл папку его секретную?

– Так точно, Евгений Иванович, – ответил Никита, и я снова обернулся в его сторону.

Он на меня не глянул. Выглядел при этом собранным и уверенным.

– Она дома хранилась.

Вот же урод! То есть он Катюху мою...

– Молодец, – похвалил генерал. – Не зря, значит, место тебе отдаю. Не зря. Ну что, Бешметов? Как с тобой поступить прикажешь?

Я взглянул на его самодовольную красную рожу. Он улы-бался. Чувствовал безнаказанность.

– Там не все материалы, – заявил я и снова посмотрел на Никиту. – Есть ещё.

– Да похеру, – махнул рукой генерал. – Мелочи это всё. Мелочи. Если ты, например, погибнешь при исполнении, кто будет твои материалы в дело пускать? Катерина твоя? Не

смеши.

Я непроизвольно сжал кулаки. Он и про Катьку знал. Вот же урод! В ушах застучало, будто молоты принялись бить по наковальне.

– Ладно, дам тебе шанс, – по-отечески тепло сказал генерал. – Но, смотри, не упусти. Опер ты хороший, результативный, в хозяйстве сгодишься, вон Никитке, дружку своему закадычному поможешь. Но только придётся пройти испытание. Давайте, ребятки.

Сзади появились Ширяевские головорезы и под руки вывели меня из бани. Запахнули в защитного цвета «буханку» и загрузились сами. Мы выехали на трассу. Никита ехал в другой машине, тоже «буханке», она двигалась за нами.

Минут пятнадцать мы катили по шоссе, а потом свернули на подмёрзшую к ночи грунтовку и заехали в густой и тёмный сосняк. Меня вытащили из машины и подвели к свежерырытой яме, освещённой светом фар. Я обернулся. Из второй машины ещё кого-то вели. Кажется женщину. Фары били в глаза, и я не сразу понял, что это была Юлия. Та самая, из ларька...

С ней не церемонились. Молча бросили в яму и встали у края.

– Держи, – спокойно, как ни в чём не бывало, сказал Никита и протянул мне «Макарова».

Тут же в спину упёрся ствол.

– Серёг, не дури, – добавил он. – Жизнь такая. Кто она

тебе, Юлька эта? Шлюха базарная. Давай, хлопни её, сделай мир чище. И себе место под солнцем заработаешь. На Катку денег много надо, я же понимаю. Ты же не хочешь, чтобы она...

– А если нет? – повернулся я к нему, прерывая рассуждения о моей Кате.

Суки, решили кровью повязать, чтоб я не дёргался больше.

– «Нет» не существует, – покачал он головой. – Есть только «да». Давай, ты же не дурак, вот и нечего время тянуть, девку мучить. Раз, и готово. Давай, Серый!

Сердце моё будто рука сжала. Сильно сжала. Заныло, застонало сердце, особенно когда я встретился взглядом с Юлей, избитой, измазанной грязью, затравленной, перепуганной вусмерть...

– Ладно, – кивнул я. – Ладно, Никитос.

Ствол упирался в спину между лопаток. Я обернулся.

– Туда смотри! – прорычал коротко бритый квазимодо и ткнул калашом.

Калашом, не тяп-ляп. Рассмотреть его рожу не получилось из-за фар.

– Аккуратней, чучело, – бросил я. – А то я тебе башку отгрызу.

– Чё ты проблеял?! – дёрнулся он. – Я тебя щас наизнанку выверну, мусор!

– Ты пасть прихлопни! – зло рыкнул Никита. – Добаза-

ришься.

– Чё?! Метлу привяжи свою, мент поганый!

Бандос отвлёкся, ослабил давление... и я резко рванул влево, крутанулся, уходя с линии огня и отбивая ствол в сторону. Бандос оказался резким и моментально даванул на гашетку, прорезав холодный влажный воздух очередью. Кто-то на краю могилы вскрикнул.

– Танго, – коротко бросил я, дёрнул на себя автомат левой рукой.

Громила подался вслед за оружием, а я резко поднял правую руку и один раз нажал на спуск.

Он откинул голову и сжал пальцы. Калаш затарахтел, а я придержал тело, не давая упасть, и закрылся им, как щитом. Тра-та-та-та-та-та-та! Он поливал стоявших на краю своих подельничков, а я держал его руку. Кто-то успел выстрелить, но ему было уже всё равно.

Магазин отстреляли быстро. Я оттолкнул тушу, скакнул в сторону и положил последнего братка. Оглянулся. Никитоса не было видно. Сука хитрожолая! Свалил тварь.

– Юля! – крикнул я. – Быстро сюда!

Она, обхватив голову руками и скрючившись, как эмбрион лежала на дне ямы. Жива или нет, я не видел.

– Юля! Время!

Она дёрнулась, я наклонился, потянулся к ней.

– Давай руку! Не спи! Машину водишь?

Она молча кивнула.

– Всё, уезжай скорее! Бери дочь и беги из города, пока они не хватились!

– А ты...

– Мне тут закончить надо! Пошла! Бегом!

Она заскочила в машину. Движок пахал, его не глушили. Хлопнула дверь, взревел мотор и «буханка» стала пятиться назад. А я вернулся к яме.

– Никита! – крикнул я. – Иди сюда. Крутая подстава. Многоходовочка, да? Ты на такие мастер. Но я не злюсь.

Он не ответил.

– Никитос!

Я встал в свете фар и бросил пистолет в снег.

– Брат! – снова закричал я. – Я без оружия! Хорошо шутаться! Выходи! Не дури, думаешь, я смог бы в тебя шмальнуть?..

БАХ!

Твою мать! Никитос... По груди разлилась острая боль... Всё закружилось, в глазах потемнело...

– Никитос...

Я захрипел. Во рту стало солоно, потекла, запузырилась кровушка. Я поморщился и повалился назад, на спину. В покрытый корочкой и почерневший снег. В острых лучах появилось лицо Никиты – заострившиеся черты, злой и холодный взгляд. Как в Афгане... Он молча вытянул руку с пистолетом, направил мне в лицо и подождал пару секунд... Ничего не сказал, просто внимательно посмотрел и... снова

выстрелил...

БАХ!

Стало темно...

1. Красивый, Крас, Краснов

События этой книги – выдумка. Даже те, которые очень похожи на то, что вы видели, слышали или делали сами. Все персонажи вымышлены, а совпадения с реальностью случайны. Если вы узнали себя – это непреднамеренно, и нет повода паниковать. Впрочем, не забывайте, в жизни за некоторые поступки могут наказать. А за чтение этой книги максимум что вам грозит – нагоняй от директора школы

Когда я открыл глаза, грудь по-прежнему болела. Правда, по-другому... И было светло. И нехолодно. И лежал я явно не в снегу, а на чём-то твёрдом и, похоже, в помещении. Кажется, на полу. А лица, склонившиеся надо мной принадлежали не Ширьевским бандюкам и не ментам, а детям. Подросткам. Наглым и дерзким. Впрочем, может, они и на Ширья работали. Но, это мы разберёмся.

– О, зашевелился, – скривился в усмешке один из них. – Выжил гад.

Болела не только грудь, но и затылок. Я двинул рукой. Блин, болело всё тело, вообще-то.

– Мэт, – покачала головой деваха с длинными светло-розовыми волосами и в огромной, явно с чужого плеча кофте. –

Я думала, ты его убил. Рил. Он ведь не дышал...

Я коснулся рукой груди. Она оказалась сухой, крови не было. Пошарил... Точно, крови не было...

– Красивый, потерял чего? – усмехнулся пацанчик, похожий на девчонку.

– Он проверяет, не выросли ли сиськи.

Подростки заржали.

– Алис, – осклабился один из малолеток, самый деловой, похоже, – даже если бы я его наглухо вальнул, папа бы меня по-любому отмазал.

Папа, блин... Ласковый какой...

Девчонка бросила на него сердитый взгляд и покачала головой. А я попытался подняться. Лежать, как Буратино на лекарском консилиуме мне не улыбалось. Нужно было разобраться в том, что случилось и выяснить, где кто.

Больше всего меня сейчас интересовало, удалось ли Юле скрыться от этих уродов. И где моя Катя, опять же. И... Никитос. Мой друг и брат... Теперь, по-любому, один из нас должен уплыть по реке смерти, или как там у древних народов...

– Так, – сказал я, усаживаясь на полу, – где Юлия?

Сказал и... осёкся. Голос прозвучал сипло, с надломом. Блин... Наверное, пока лежал на снегу простудился.

– Зачем тебе Юлия? – зло воскликнул парнишка, похожий на боксёра, единственный приличного вида из всей компании.

– Да он стучать собрался! Отброс! Слышь, Красный, ты охренел?

Кто-то пихнул меня кончиком ботинка.

– Так, шакалята, ну-ка брысь отсюда! – рыкнул я. – Пока я вам уши не открутил. В натуре.

Все заржали. Я потрогал рукой затылок. Блин! Стреляли в грудь, а в крови башка. На камень наверное грохнулся или на палку какую-нибудь...

– Вы гляньте, Крас у нас резко гигачадом стал, – сквозь смех воскликнула розовокудрая Алиса.

– Крас – гигачад, – подхватил кто-то.

– Потому что он Красивый!

Над чем они смеялись, я не понял, но это вообще не имело значения.

– Мэт, – сурово бросил боксёр, – надо его в медпункт.

– Да мне фиолетово, что ему надо. Пусть идёт, куда хочет. Слышь, Крас, завтра если не принесёшь лавэ, я тебя точно урою, и мне ничего не будет, ясно? Не слышу! Не слышу, я сказал! Алё, тебе ещё вломить или как?

Это он мне что ли? Я поморщился, прислушиваясь к своему телу.

– Фиолетово тебе или нет, – не останавливался боксёр, – но тут его нельзя бросать. Тебя, может, и отмажет папаша, а нас потом директриса замотает и родители мозги выжрут. И Юлия, опять же.

Так, Юлю, значит, они знают.

– Ну, тебе надо, ты с ним и нянькайся.

– Ничё так ты, молодец. Ты его нокнул, а я разгребать за тобой должен?

– Ну, не разгребай, – ухмыльнулся Мэт.

– Мудак, – с презрением резюмировал боксёр.

– Чё ты сказал?! Ты попутал, лошок?

– А ты не забылся, мажорчик? Я-то не Крас, вломить могу.

– Да пошёл ты, – включил заднюю Мэт. – Чё хочешь, то с ним и делай, можешь в жопу поцеловать. Я пошёл, короче.

Он перешагнул через мои ноги и зашагал прочь. Я осмотрелся. Мы находились на лестничной площадке на верхнем этаже. На полу, выложенном явно новым и недешёвым кафелем, валялись окурки и банки из-под пива, что ли... Мэт весело и непринуждённо начал спускаться по лестнице и все потянулись за ним.

Остались только боксёр и розовая Алиса.

– Алиса, ты идёшь? – крикнул с лестницы Мэт, но она даже не глянула в его сторону.

Он притормозил на мгновение, но не получив от неё ответа, поднял руку, оттопырил средний палец и пошёл дальше.

– Как хочешь, – насмешливо бросил он. – Сестра милосердия. Ты ему сделай приятное что-нибудь, чтоб он не плакал.

Его спутники загоготали.

– Так, ребятки, – мотнул я головой и заскрежетал зубами.

Движение отозвалось резкой болью.

– Осторожней, – недовольно обронила Алиса. – Рожков, что с ним делать-то? Медкабинет не самое хорошее решение. Там же спрашивать будут. «Упал» – не вариант. Как так упасть, чтобы и затылок разбить и бланш под глазом получить? У него и грудь наверное вся синяя.

– У него сотряс, по ходу, – отозвался боксёр. – Смотри, какой бледный. Слышь, жертва, голова кружится?

Девчонка приставила к губам блестящую розовую корбочку с мундштуком, втянула через неё воздух и выдула небольшое облачко пара. Запахло джемом и фруктами.

– Так, ребятки, – поморщился я, пытаюсь встать. – Как я здесь оказался, можете мне объяснить?

Японский городской, а что это на мне такое? Я уставился на узкие джинсы и стоптанные синие кроссовки с большой буквой «N» или «Z». А ещё на поношенную футболку и короткую джинсовую куртку. Ковбой, бляха... Мало того, что одежда была незнакомой, но и ноги мои... ёлки... Ноги выглядели тощими и длинными, как у подростка. А руки...

Я тупо уставился на свои ладони. Потом перевернул... Пальцы худые, грязные, ногти обкусаны под корень... На запястье дурацкие часы без циферблата...

– Смотри, как его штормит, – хмыкнула розовая и выпустила ещё одно облачко.

Может, это был типа «тот свет»? А что, выжить после выстрела в лицо с такого расстояния дело крайне сомнительное. Но если так, мне тут не нравилось.

– Он и так гением не был, – покачал головой боксёр, – а теперь вообще кретином станет.

– Гадить где попало будет? – засмеялась Алиса.

Если на мне одежда была в облипочку, то на ней висела, как на вешалке. Длинные, широкие джинсы, типа, как «пирамиды», мели по полу.

– Так, я сам с собой разговариваю, детвора? – рыкнул я. – Можете мне чётко объяснить, как я здесь оказался?

– Пипец, – покачала головой розовая.

– Ты что, не помнишь? – прищурился Рожков. – Или прикалываешься? Тебя Шалаев вызвал сюда.

– Какой ещё Шалаев?

Фамилия эта была мне хорошо известна, но...

– Конечно, прикалывается. Матвей Шалаев, Мэт. Уж кого другого, а его ты точно должен помнить. Всю жизнь.

Но никакого Матвея Шалаева, да ещё и Мэта, я однозначно никогда раньше не видел и не знал. Сто процентов. Я бы точно не забыл.

– А Юля где?

– Да блин, зачем тебе Юля? – недовольно воскликнул боксёр, – Ты стукануть реально решил? Ну, иди, она в кабинете, у нас урок уже начался. Но она тебе точно не поможет, а вот репутация твоя...

– Да какая у него репутация, ты совсем что ли, – перебила его Алиса.

– Юля Салихова, хозяйка ларька на Кирова. Какой каби-

нет, какой урок? Вы чего мне мозги канифолилите? Молодёжь, блин! Знаете её?

– Чего?

Они переглянулись и начали ржать в голос.

– Не, Краснов, – вытерев слёзы, выдала Алиса, – ты прям юмористом стал, чётко ролфишь. Тебе надо в «Плюшки», там такой тупой юмор на ура заходит. Или в «Камеди» хотя бы.

– Посмеялись? – зло спросил я, и они начали ржать поновой.

– Это когда Юля ларьком обзавелась? – хохотала Алиса. – Ой, не могу. Хозяйка ларька!

– Да хорош ржать, – воскликнул я. – Как только с вами учителя справляются? Это что, школа?

– А ты прямо Шерлок Холмс и капитан Очевидность. Ладно, заканчивай свой стендап.

– Где туалет? – спросил я. – Умыться надо.

– В медпункт пойдём, – твёрдо сказал Рожков.

– Туалет где, бляха?

Внутри меня всё клокотало, так что я не стал дожидаться, пока они ответят, махнул рукой и пошёл к лестнице. О-па... Качнуло меня нормально так. Боксёр подскочил и подхватил под руку.

– Хорошо смотрите, – съязвила розовая Алиса.

Мы спустились на этаж ниже, прошли по коридору и зашли в туалет. Вернее, Алиса пошла на урок, а мы с боксёром

– в галююн. Надо же... Это что за школа с такими цивилизованными туалетами? Ни вони, ни грязи, импортная сантехника, плитка. Похоже, родители здесь не самые простые...

Я шагнул к умывальнику и замер...

– Твою мать... – не сдержался я. – Охренеть...

Из зеркала на меня глядел пацан лет семнадцати. Нескладный, растрёпанный, патлатый, как хипарь, неопрятный. Жесть. Под глазом ссадина, футболка вытянута. Смотреть противно, короче.

– Какой класс? – спросил я у боксёра.

– Чё? – опешил он.

– В каком классе учишься?

– В десятом, – сказал он озадаченно. – «Б»... Ты чё, Краснов? Может, ты действительно умом тронулся? Может, тебя в дурку надо?

– Посмотри, что там на затылке, – хмуро скомандовал я. – Кровищи много?

Он открыл дверцу шкафа, достал рулон туалетной бумаги, подошёл ко мне и внимательно осмотрел затылок.

– Нет, немного... Не крути башкой... Думаю, даже зашивать не придётся... Блин... Тебя Мэт так приложил, аж треск пошёл. Там выступ в стене, ты об него со всего маху долбанулся, когда он тебе в грудь пропнул. Я думал всё, конец тебе. Прямо затылком...

– Мне? – посмотрел я на боксёра. – Это Мэту твоему конец.

Он нахмурился, а я снял с себя куртку. Она была заляпана бурыми пятнами, но не трагично. Ещё раз бросил взгляд в зеркало.

– Вот дерьмо! – не сдержавшись, выругался я.

Ручки тоненькие, как у цыплёнка. Мне надо было бежать, прятать Катю, Юлю, разбираться с генералом, с Никитосом... А тут такое... Блин... Точно, крыша протекла...

– Чего? – не понял Рожков. – Говорю же, не страшно. До свадьбы заживёт. Ты давай, домой топай, приведи себя в порядок, отоспись. Завтра, как новенький будешь.

– Башка болит, – поморщился я и начал замывать джинсовую куртку.

Покончив с курткой, отмотал туалетной бумаги и промокнул затылок. Кровь уже не текла, засохла.

– Давай, – неохотно предложил боксёр, – помогу.

Я наклонился над раковиной, а он аккуратно обмыл и промокнул рану.

– Ерунда, пустяки, короче, – удовлетворённо отметил он.

Я выпрямился и задрал майку. На груди чернела неслабая такая гематома.

– Зашибись у вас тут порядочки в школе, – заметил я. – Сажать надо конкретно.

– Не будь слабаком, и никакого буллинга тоже не будет. Это везде так. Не мы такие, жизнь такая.

– Отличная отмазка. Тебя звать-то как? Буллинг, в натуре... Слова-то какие придумали...

– Нет, Красивый, ты чё, не придуриваешься? Правда не помнишь нифига?

– Тут помню, тут не помню, – подмигнул я.

– Пипец какой-то, – махнул он рукой. – Илья, вообще-то.

– А меня?

– Слушай, заканчивай уже свой стёб debilный. Я пошёл, короче.

Он развернулся и двинулся к двери.

– Илюха, – окликнул его я.

Он остановился, обернулся и настороженно посмотрел.

– Спасибо, братан.

– Да пошёл ты, Крас. Мы с тобой не друзья и уж тем более никакие не братаны. Что за слово, вообще? И не станем ни друзьями, ни братанами. Понял? Напоминаю, если ты вдруг забыл.

– Сурово, – хмыкнул я, и он вышел из туалета.

Ну, ладно, брателло, как скажешь... Я сунул руки в карманы. Из одного достал плоский брусок. Довольно тяжёлый... На пейджер не похоже, на мобильник тоже... Повертел в руках. С одной стороны был ободраный и облезлый пластик, а с другой – треснувшее стекло, похожее на экран. Оно вдруг засветилось. Точно экран. На нём появились маленькие цветные квадратики и кружочки... Прикольно...

Ладно, потом разберёмся. В другом кармане оказались ключи и свёрнутая банкнота. Пятьсот тысяч что ли? Я развернул. Да, она была похожа на пол-лимона, только нулей

было всего два. Это как понимать-то? Бред какой-то. Билет, бляха, банка России. И вроде эта бумажка проще выглядела, но, одновременно, как-то солиднее... Хрень какая-то...

Я вздохнул. Пятьсот штук было бы, конечно, лучше, чем эта фальшивка... Ладно... Ключи выглядели совершенно обычными и, по большому счёту, бесполезными. Других трофеев я не обнаружил и снова подошёл к зеркалу.

– Ну что? – спросил я у своего отражения. – Что делать-то? Домой шагать? Типа, здравствуй, Катя, это я, Серёжа?

При мысли о Катюхе, из темноты сознания появился Никита. Его вчерашнее посещение засело в голове занозой. Гостинцы, вид Кати, колготки – всё вот это... Папку она ему отдала или он сам нашёл? Знал меня и понимал, где я могу спрятать, вот и нашёл. Я его тоже знал. Как облупленного. Мы же с ним...

А вот я сейчас прямиком к нему и двину! Точняк! В таком виде он меня не узнает, сто пудов. Губы расплылись в усмешке. Надо сначала зайти домой за стволом. Катюха на работе, ключей нет. Соседи на балкон левого пацанёнка не пустят. Бляха... Ладно, значит залезу по трубе. Я вон теперь какой лёгкий. И в форточку просочусь без вопросов.

В туалет зашёл тощий зашуганный пацанчик, явно младше моего отражения. Он опасливо взглянул в мою сторону, но тут же успокоился, поняв, что от меня ждать неприятностей точно не стоит. Ну-ну. Вот и Никитос так пусть думает.

Я снова глянул в зеркало. Теперь на меня смотрел не ошипанный жалкий воробышек, а ощерившийся волчонок. Слабый, но отчаянный, тот, что не отступит и будет биться до конца.

Снаружи раздались голоса и смех. В туалет вдруг влетела растрёпанная девчонка. Её втолкнули, закрыли дверь и заржали. Дураки малолетние. Она оглянулась, увидела меня с доходягой, улыбнулась. Но улыбка получилось жалкой, а в глазах ясно читался испуг.

– Придурки! – крикнула она и толкнула дверь плечом. – Откройте!

Дверь естественно не поддалась. Зазвенел звонок.

– Открывайте, я сказала! – не сдавалась девочка.

– Глотова, минет сделаешь, тогда выпущу! – раздалось из-за двери.

– И мне!

– И мне!

Парни загоготали. Уроды. Девчонка покраснела.

– Чё ты молчишь? Всё равно ведь придётся сделать! Да нас трое всего!

– Четверо!

– Ты debil, Назаров! – крикнула она. – Идиоты!

Дверь резко открылась и на пороге появился ухмыляющийся здоровяк, а за ним несколько шакалов.

– Давай, чё ты, у тебя и фамилия подходящая.

Все опять заржали.

– Мы не скажем никому.

– Да тебе самой понравится!

Рыхлый, щербатый, коротко стриженный здоровяк-переросток, который, вероятно, и был Назаровым, шагнул к ней и начал расстёгивать ремень.

– Давай сама, Глотова, всё равно же заставлю, – подмигнул он и растянул жирные губы в мерзкой улыбке.

Девчонка отступила и натолкнулась на меня.

– А ты чё, Крас, вылупился?! – оскалился Назаров. – Тоже хочешь? Не сегодня, понял? Сегодня Глотова сосёт!

Все снова засмеялись, а я отодвинул Гловову в сторону и шагнул навстречу этому уроду.

– Слышь, пончик, я тебе сейчас зубы в глотку вобью, – спокойно сказал я. – И после этого ты всю жизнь только сосать и сможешь. Как тебе такая перспектива?

Он мгновенно изменился в лице. Его толстая колбасная рожа налилась кровью, а глаза полезли из орбит. Видать кредит с дебетом в его тупой башке никак не хотели сходиться, потому что он конкретно завис, как компьютер у нас в управлении, соображая, должно быть, как именно обрушить на меня свою ярость. Физика у меня была, конечно, полный ноль, но с этим жиртрестом...

– Это что такое! – донёсся строгий и громкий женский голос из коридора. – А ну! Быстро разошлись! Назаров! Что опять такое?!

– Да сами смотрите, Юлия Андреевна, – плаксиво заныл

он. – Чё опять Назаров-то? Я в туалет хочу, а тут эти вот... Петтингом занимаются.

Он показал на меня пальцем и попятился назад. Зайдя за учительницу и убедившись, что она его не видит, он тут же сделал свирепое лицо и провёл ребром ладони по горлу.

– Краснов! – с ужасом воскликнула учительница. – Глотова! Это что такое?! Мильнер, а ты-то как в это влип?

– Я... – замотал головой пугливый пацанчик, – я... они...

– Краснов! Ты на кого похож, вообще? Посмотри на себя! Мало того, что учиться не хочешь, ещё и драться начал? Ты понимаешь, что тебя отчислят из школы? Хоть немного мозгов у тебя есть, чтобы понять эту мысль? Это несложно, подумай! А ты Глотова? Это уж ни в какие ворота! С мальчиками в мужском туалете! Ты понимаешь, что у учителей чаша терпения уже переполнена? Я сейчас сообщу твоему классному руководителю и директору школы. Пусть вызывают родителей и разбираются с тобой. Что, Краснов? Что ты смотришь, будто в первый раз меня увидел?! Краснов!

А я действительно смотрел на эту женщину во все глаза. На вид ей было лет пятьдесят. В неплохой форме, довольно стройная и подтянутая. Наверное, занималась физкультурой. Недешёвый костюм сидел идеально и делал её элегантной. Невысокая, без седины, с аккуратной стрижкой и неброским макияжем, лицо практически без морщин. Нет, не двадцатилетняя девчушка, конечно, но и не оплывшая и обабившаяся тётя Мотя. Это было поразительно. Совершен-

но поразительно. И невероятно...

– Салихова? – спросил я, нахмурившись.

– Что?! – она округлила глаза и уставилась на меня, как на инопланетянина.

– Салихова Юлия Андреевна, одна тысяча девятьсот семидесятого года рождения?

Все разговоры, смешки и вскрики стихли. Воцарилась полная тишина...

2. Бешеный-2

– Краснов, ты что себе позволяешь? – нахмурившись, спросила Юля, а у меня все шарики и ролики перемешались с крестиками и ноликами.

Если это была она, а я почти не сомневался, что это так, то выходило... Выходило... А может, я последние лет тридцать пролежал в коме? Нет, не получалось, рожа-то у меня теперь была совсем другая. Да ладно рожа, но и тело тоже. Вообще, всё другое...

– У тебя что, ролевые игры на уме? – сердито наступала Юлия Андреевна. – Хороший полицейский, плохой полицейский? Запомни и заруби себе на носу, я очень плохой коп, ясно? И завуч по совместительству, а ты меня уже извлёк! Я больше нянкатся с тобой не собираюсь. Нам нужны высокие показатели, а не ЧП. Причём, это касается, как учёбы, так и всего остального, включая поведение. Мы в этом году

статус лица собираемся получить, если ты помнишь. Поэтому подобные закидоны я буду выжигать калёным железом. Вместо того, чтобы сидеть у меня на уроке, ты всякой мерзостью занимаешься. Сегодня же твою мать вызову в школу! И твоих родителей, Глотова! Всё, уйдите с глаз долой! А ты, Мильнер, слишком рано на кривую дорожку вступаешь!

– Да я просто... – начал было тощий, но Юля изобразила такую страшную гримасу, что Глотова с Мильнером пробкой вылетели из туалета. Я тоже пошёл на выход. Вышел в коридор и остановился.

– Сергей, – окликнула меня Юля. – На самом деле, всё очень серьёзно.

Она подошла вплотную и продолжила, понизив голос:

– Ты уже взрослый и должен понимать. Знаешь ведь, какая конкуренция сейчас, чтобы поступить в нашу школу. Да, по месту жительства мы обязаны тебя здесь держать, и только поэтому тебя директриса не выпнула после девятого и дала сдать экзамены. Но сейчас всё меняется. Малейший проступок и всё. Вылетишь. На твоё место уже очередь стоит в сто человек из отпрысков самых влиятельных людей города. А ты такие номера выкидываешь.

– Странно, – пожал я плечами. – Слушаешь какого-то дегенерата Назарова и даже не пытаешься вникнуть в ситуацию. А именно такой подход, я имею в виду замалчивание проблем и не желание искоренять их первопричину, может сыграть против тебя самой. Хочешь лицей? Не нужны ЧП?

Ну, так работай с Назаровыми и с Шалаевыми, а не с Глотовой и Мильнером. Неужели непонятно? Педагог ты на троечку, как я вижу. Это тебе не сникерсами торговать.

Челюсть у неё отвисла, как в мультфильме про Тома и Джерри, а я двинул на выход. В голове была полная каша. Я дошёл до лестницы, спустился вниз, прошёл мимо раздевалки. Евроремонт тут был сделан по высшему разряду. Я таких школ вообще не видел, если честно. Отродясь.

О-па! Дверь я нашёл, но увидеть рамку, как в аэропорту и турникет, как в метро не ожидал. Чуть в стороне сидел охранник перед экраном. Или не перед экраном... В общем, перед плоским пластмассовым прямоугольником чёрного цвета.

Я ткнулся на выход, но турникет не шевельнулся. Попробовал ещё раз и глянул на охранника. Можно было бы перепрыгнуть, перескочить, но он смотрел на меня в упор, причём во взгляде явно читалось сдержанное удивление. Он поднял руку со сжатым кулаком и указательным пальцем второй руки коснулся своих часов.

Я посмотрел на своё запястье. На синем капроновом ремешке вместо часов была какая-то пластиковая блямба. Я затупил, не понимая, что это значит и вдруг... Блин... Получилось как-то странно, само по себе. Ни с того, ни с сего возникла мысль, что это чип и его надо приложить вон к тому чёрному датчику.

Я так и сделал, и всё сработало. Загорелась зелёная лам-

почка, я толкнул блестящую трубу из нержавейки и вышел за периметр. В голове одновременно раздались щелчок и вспышка. Я открыл дверь и вышел на улицу. Про верхнюю одежду даже и не подумал, но оказалось, что снаружи тепло. Стояла золотая осень – медовое солнце, тёплый ветерок и запах прелой листвы, дымка и арбузов. Красота и ностальгические чувства. Правда, место, в котором я оказался, я никогда раньше не видел.

Вернее, не видел *таким*. Это была центральная улица, засаженная липами. И здесь мне всё было известно и знакомо – бульвар, клумбы, гостиница напротив. Но вместо провалившегося асфальта сейчас лежала тротуарная плитка, вместо облезлых и обшарпанных зданий – отремонтированные и покрашенные фасады.

А может, меня чем-то накачали? Морфином, например? Хотели обезболить, а вызвали бред и галлюцинации... Ладно, сейчас всё проверим. Надеюсь, моя Катя не окажется пятидесятипятилетней стервой в деловом костюме, вроде Юлии Андреевны.

Я пошёл домой. Шагал по знакомой улице и крутил головой удивляясь новым красивым магазинам, ресторанам и кафешкам. Вывески, витрины, люди – всё было незнакомым и необычным. Особенно машины. Это вообще было похоже на космос. Летающие тарелки на колёсах.

– Эй, Крас! – крикнул кто-то.

Я не обернулся, как шёл, так и двигался.

– Погоди, ты чего, не слышишь? Смотри, чего я отматерил.

Меня обогнал пацан в рыболовном жилете с огромным количеством карманов и застёжек. У него были длинные патлы и очки. Я остановился.

– Глянь, на кого я похож? – с довольной улыбкой спросил он.

На пузе у него болтался фотоаппарат «Смена» на длинном кожаном ремешке, а из карманов торчала всякая ерунда – карандаши, батарейки, отвёртка, запасные очки, магнитофонная кассета.

– Ну чё? – засмеялся он. – Догадался?

– На старьёвщика, – хмуро ответил я. – И на придурка.

– Ну, блин, Красивый, ты чё не можешь сообразить? Только не говори, что рептилоиды уже добрались и до твоего мозга.

– Похоже на то, – кивнул я и, обойдя его двинул дальше.

– Ну, подумай! – не сдавался он и, обогнав, снова преградил дорогу.

– Не знаю, Глитч, – бросил я и осёкся.

Глитч? Что ещё за Глитч? Но он не показал ни удивления, ни протеста. Вероятно, он действительно был Глитчем... понимать бы ещё, что это значит...

– Ну, блин, Серый! – с укором воскликнул он. – Я же Вассерман! Похож?

– Поздравляю, – кивнул я. – Кожвен за вокзалом, за Вас-

серманом тебе туда.

– Крас! – помотал он головой. – Ты зря недооцениваешь! Нужно всегда иметь под рукой всё необходимое, чтобы протянуть какое-то время автономно, когда они до тебя дотянутся.

– Кто? – насторожился я.

– Да ты достал уже! Рептилоиды! Знаешь, что Цукерберг один из самых высокопоставленных ящеров?

– Саня, – начал я и замолчал.

Я знал, что он Саня... Атас, ребята... Походу, крыша у меня реально прохудилась...

– Чё «Саня»? Они не просто готовят эксплуатацию людей, они уже нас имеют во все дыры! Они влезают нам в мозги, представляешь? Воздействуют специальным излучением. А ты видел, когда самолёт по небу летит, за ним след остаётся? Это химтрейлы. Аэрозоли со специальными веществами. Я тебе кину ссылку на ютубчик, там чел один чётко всё объясняет. Там все факты чекнуть можно. Но есть идиоты, которые до сих пор не верят. Вот их и схомячат в первую очередь, просто выпилят и всё. И это уже происходит ежедневно. Поэтому мы должны быть готовыми!

Я ни слова не понял из того, что он говорил.

– Короче, остановите Землю, я сойду. Знаешь, кто сказал?

– Великий русский философ Николай Фоменко? – хмуро предположил я.

– Нихрена себе... – обалдел Глитч. – Ты как узнал?

Невелика наука. Я пожал плечами.

– А ещё он вот что сказал как-то, – подмигнул я парнишке. – Клизма, знай своё место.

Я хлопнул этого чудика по плечу и пошёл дальше, а он, поражённый моей эрудицией, остался обдумывать услышанное.

Подходя к своему дому, я почувствовал волнение. Сейчас я увижу Катю... Свернул с улицы во двор и... и остолбенел. Вот прямо здесь ещё пару часов назад были гаражи, а вон там, в окружении полнометражных сталинок стояла хрущёвка, где находилась принадлежавшая мне двушка. На третьем этаже в первом подъезде. Ни гаражей, ни хрущёвки не наблюдалось. Зато стояла строительная техника и штабеля стройматериалов.

Приходилось поверить, что всё окружающее меня относилось к какому-то совершенно другому времени. В голове снова раздался щелчок, в глазах потемнело, я зажмурился и... охренеть... Я вдруг понял, какой сейчас год...

Возникло такое чувство, будто... «подключили накопитель информации», – всплыло в голове. Точно. Жёсткий диск заработал! Со скрипом и хрустом, но заработал. Как будто дискету с записью обо мне воткнули в маломощный компьютер, который назывался Сергеем Красновым. Интересно, а что стало с компьютером, который назывался «Сергей Бешметов»?

Замелькали картинки, которые я и выделить-то не мог, не говоря уже о внимательном изучении. Но мысль о том, что я действительно теперь Сергей Краснов стала осязаемой. Слюна загустела, и я ощутил металлический привкус.

– Японский городской! – прорычал я, открывая глаза, и заметил бабку в платочке, рванувшую от меня в сторону.

Свыкнуться с этой новой реальностью было нелегко, и ничего хорошего в текущем положении вещей я пока не находил. Вообще ничего. Ну, с Юлей, судя по всему, всё было нормально. Но что стало с моей Катей? А с Никитосом, Ширяем и прочими упырями?

Я подошёл к подъезду и опустился на скамейку. Один из брусьев был сломан и провалился, когда я сел. Я помотал головой. Дома моего не было, собственность исчезла, да и собственник стал совсем другим.

Двор, кстати, тоже изменился. Деревья разрослись, появилась детская площадка. А беседка сохранилась. Только теперь она была едва видна из-за зарослей кустарников и клёнов, превративших полдвора хоть и в ухоженные, но джунгли. Тридцать лет прошло. С ума сойти!

У бетонных плит в дальней части двора кучковалось несколько парней в спортивной одежде. На головах капюшоны, руки в карманах. Наркоманы хреновы или хулиганы... Некоторые вещи не меняются...

Мне пришло в голову, что Никита, скорее всего, меня угробил. Именно поэтому моя «дискета» перелетела сюда.

А вот куда делся первоначальный Краснов думать не хотелось...

Во двор медленно въехала крутая тачка. Ни хрена себе... Это был «мерин», но, блин, я таких никогда не видел. Джип. Весь чёрный, чёрные стёкла, чёрные диски, навороченный, сияющий, хищный, наглый, самодовольный.

Да, в моё время таких машин не было, это уж точно. Тачка остановилась рядом. Она вздрагивала от музыки, ритм прорывался наружу. Стекло водительской двери съехало вниз, я увидел Назарова и услышал гнусаво-мультишный голос, повторявший одну фразу: «За деньги – да».

Назаров самодовольно ухмылялся и кивал в ритм. Двери открылись и из джипа выскочили те самые придурки, что сопровождали его в туалете.

– Опаньки... – хищно улыбнулся он, вырубив магнито-лу. – Красивый. Битый и недобитый. Приплыл ты. П***да тебе, малыш.

Я не пошевелился и, чуть прищурившись, смотрел на него. У меня был аргумент, о котором он пока не догадывался. Выглядели они, как карикатура на хулиганов – в дурацких бейсболках и яркой мешковатой одежде.

– Прохор! – вдруг воскликнул один из его прихвостней и показал рукой в сторону беседки. – Вон она за кустами шкерится!

– Живи пока, – ухмыльнулся мне Назаров и сплюнул на асфальт. – Но недолго. Я за тобой приду.

Пацаны бросились в сторону беседки, а Назаров газанул, переехал клумбу, вывернув огромными колёсами цветущие астры и рванул прямо по газону. За беседкой мелькнуло платье, и я узнал Глотову.

Вот же дерьмо! Я схватил отвалившийся от скамейки брус и рванул за «мерином».

Когда я подбежал, девчонка стояла между машиной и беседкой. Она испуганно крутила головой, а вокруг неё расположились Назаров с прихвостнями. Один из них поигрывал ножом-бабочкой, раскрывая его и складывая, как шаблонный голливудский сутенёр. Густые заросли надёжно скрывали происходящее от жильцов и случайных прохожих.

– Залазь, Глотова, – ухмыльнулся главарь шайки. – Не бойся, покатаемся, расслабимся. У меня батя уехал, дом пустой. Потусим, музло послушаем. В тесной компании. Ты, я и ребята. Тебе понравится, я гарантирую. Лезь сказал, а то Кот тебе рожу щас распишет. Бегом-на!

Кот, похожий на латиноса жиган в понтовом и большом не по размеру спортивном прикиде, в подтверждение сказанного поднял руку со своим ножичком, и тут на него обрушился я. Силы были неравными. А, учитывая, что Серёжа Краснов был редкостным дохляком, шансов у меня было чуть меньше нуля.

Но так только казалось. Уж я-то знал, что грубая сила часто пасует перед отчаянным бесстрашием и явной готовностью идти до конца не смотря ни на что.

– Позишн намбер ван, – воскликнул я и со всей силушки шибанул дубиной по руке с ножом. – Отдыхаю сам.

Не дожидаясь реакции, я тут же крутанулся и рубанул по ногам второго урода, а третьего отоварил по хребтине. Они разлетелись, как кегли в боулинге.

– Э! – заревел Назаров, отскакивая в сторону. – Ты чё, Крас, попутал?!

– Ссышь, когда страшно? – усмехнулся я и дёрнулся в его сторону, заставив отшатнуться. – Позишн намбер ту.

Было от чего испугаться. Я знал, глаза мои не предвещали ничего хорошего. Может, помятая щенячья рожа и вызывала ложное чувство незащитности, но взгляд был суровым, уж я-то себя знал.

– Да я тебе твою доску щас в гудок засуну! – проревел этот бегемот.

– Да ну? – усмехнулся я и с ноги захерачил начавшему подниматься Коту по роже.

Тот снова упал и завыл. Да они все уже были.

– Попытайся, Прощка, – усмехнулся я и, подняв свой дрын, замахнулся на тачку. – Сейчас только стекляшки тебе повышибаю.

– Э-э-э! – заорал он, и глаза у него полезли на лоб. – Не вздумай! Мой батя тебя порешит!

– Да ты чё, – расплылся я в улыбке. – Сам-то ты жирный ноль, да? За батю прячешься, поц? Только мне почему-то кажется, что батя твой не меня, а тебя порешит. Думаю, он да-

же и не догадывается, кто в его отсутствие рассекает по городу на его «мерине». Без прав и без спросу, а? Нарушая правила дорожного движения и причиняя ущерб муниципальной инфраструктуре.

Похоже, я попал в самую точку. Он осёкся и как-то сник.

– А если звякнуть ментам? – подмигнул я.

– Да с батиными номерами ни один мусор в городе не осмелится меня тормознуть.

– Вон, как, – понимающе кивнул я. – А если сказать, что тачка в угоне? Думаешь не тормознут? Чего приуныл, носорожка? Давай, выбирай, что я расхерачу – твой шарабан или светотехнику?

– А-а-а... – он мне руку сломал, – заныл Кот.

– Я тебе ещё и голову отрежу. Если кто из вас не то что подойдёт, а косо посмотрит на Глотову, живым бошки поотрубаяю. Это не шутка и касается всех!

В этот момент чувак, получивший по хребту накиннулся на меня сзади. Я тупо проглядел, когда он поднялся, и он врезал мне по почкам. И хорошо так врезал, у меня аж в глазах потемнело. Глотова вскрикнула. Но я не упал, не стал охать и выть, только сжал зубы, развернулся и своей волшебной палочкой наотмашь навернул ему по башке.

Силёнок у Краса было маловато, так что за жизнь этих уродов я не особо переживал.

– Вломи ему, Прохор... – простонал тот, которому прилетело по ногам. – Я ходить не могу. Завали его! У тебя же

пушка...

– Не сейчас! – попытался сохранить лицо Назаров. – Тут свидетели могут быть. Крас, ты себе приговор подписал, ты понял?

– Бешеный, – проныл Кот, выплёвывая сгустки крови.

– В натуре бешеный, – ощерился Назар.

– Точняк, пацаны, – кивнул я. – И я вас предупредил. Мне ваши папики похеру, ясно? Я вас достану. Каждого найду, ссыкуны дешёвые, и лично глотки перегрызу. А чтоб вы не дёргались, я сейчас пойду на освидетельствование, а она напишет заяву, мол хотели совершить групповое изнасилование, а меня избили, потому что я заступился. Отличное заявление получится, даже два. А потом будем наблюдать, как ваши папы и мамы начнут на пузе ползать, чтоб ваши жопы спасти от сурового возмездия на малолетке. Всё, сдриснули отсюда!

Они спешно погрузились в тачку и отвалили.

– Кровью не залейте, бараны! – рыкнул на них Прохор.

Глотова стояла ни жива, ни мертва, но глаза её сияли.

– Серёжа... – едва слышно прошептала она. – Ты... Ты такой... Спасибо... А я уж думала всё, как с Женькой Мурашкиной сделают...

– Не сделают, – хмуро кивнул я. – Почему они именно к тебе прицепились?

– Я не знаю, – мотнула она головой и отвернулась.

Смущённо. Я внимательно на неё посмотрел. Лолита,

блин, малолетняя. Платье короткое, ноги длинные, красивые, грудь маленькая, но обтянутая, выпирающая из платья. Курточка коротенькая. Макияж. Бляха, взрослеют они сейчас рано, конечно, и сами из себя делают шалав с этой модой дурацкой. Вот мудачьё и считывает сигналы, как умеет. А если присмотреться, она же ещё ребёнок ребёнком.

– Они видели фоточки мои в инсте... Мы с подружками дурачились, короче... Ну... там такое...

Она рукой махнула.

– В общем эти прицепились, с самого первого сентября мне харрасмент устроили. Типа, нюдсы требуют, да сами шлют всякий скам. А теперь вот...

Она вздохнула, а я снова нихрена не понял. Хреновато мой накопитель данных работал.

– Ты здесь живёшь? – спросил я.

– Ну... да, – удивлённо кивнула Глотова. – Мы же с тобой в одном подъезде...

– А, точно... – согласился я. – Я просто головой долбанул сегодня, немного штормит.

Она сочувственно кивнула.

– А ты домой сейчас?

– Не знаю... – повёл я плечами.

– Пойдём. Хочешь, ко мне завалимся? У меня никого до вечера не будет.

Она покраснела.

– Нет, сейчас не до гостей, – отказался я. – Голова болит.

Не хватало ещё с малолетками тусоваться... Блин! Вообще-то, я и сам сейчас был малолеткой.

– Ты в каком классе? – уточнил я, когда мы двинули к подъезду.

– В девятом «А», – удивлённо ответила она и обиженно поджала губы.

Подразумевалось, вероятно, что я должен был и сам знать. Я промолчал. Подойдя к подъезду, она приложила небольшой металлический кружок, болтавшийся на ключах к кодовому замку и тяжёлая железная дверь открылась. Нужно было подключать «жёсткий диск». Квартиру-то свою я должен был знать.

И я вспомнил. Остановился перед нужной дверью и даже с первого раза открыл. Спасённая стояла, не уходила. Наверное, ждала, что я приглашу её зайти. Но я не пригласил. Мне бы самому как-то для начала нужно было осмотреться, освоиться.

– Глотова, – кивнул я на прощанье, – ты бы поскромнее одевалась, глядишь, и проблем с домогательствами поубавилось бы.

– Почему по фамилии-то? – передёрнула она плечами. – Я вообще-то Настя.

– Ну да, Настя. Но это не отменяет того, что я сказал.

Я вошёл в квартиру и закрыл дверь, оставив Настю снаружи. Нужно было оглядеться. Обстановка оказалась простой. Комнат было две и жил я похоже с матерью. Я порылся в

«физической памяти» и нашёл подтверждение. Да, отца не имело, причём с детства. В длинном коридоре на стенах были наклеены виниловые обои, на полу лежал линолеум.

Гостиная служила, похоже, мне спальней и рабочим кабинетом. Старый диван, письменный стол, телевизор, стенка местной фабрики. Надо сказать, что такой интерьер был актуальным и в моё время. В этой, отдельно взятой квартире ничего за прошедшие годы не изменилось.

Следующая комната была спальней матери. Я прошёл на кухню. Она оказалась обычной, совковой. Я включил электрический чайник. Он засветился голубыми огоньками и на борту появились крупные цифры, показывающие температуру. Как говорится, до чего дошёл прогресс...

Ладно. В ванной я снова уставился на своё отражение. Патлатый растрёпанный кент с подбитым глазом, смотревший на меня, нихрена мне не нравился. Абсолютно. Интересно, это что же получается, меня навсегда заточили в этот сосуд? И для чего?

Посмотрим. Разберёмся, как говорил мой братан Никитос. В любом случае, придётся делать из этого щенка настоящего волка. Волчару. Я оскалился и разочарованно покачал головой. Открыл дверцу шкафчика и... О! То, что нужно! Там лежала машинка для стрижки волос.

Но воспользоваться ей я не успел. В прихожей раздался звонок. Блин! Наверное, мать пришла... Я пошёл открывать, быстро выискивая необходимые сведения. Но за дверью сно-

ва оказалась Глотова.

– Чего, Насть? – хмуро кивнул я, но она не ответила.

Она решительно шагнула ко мне, обхватила за шею и прижалась губами к моим губам.

3. Моя подруга Глотова

Губы её оказались прохладными и напряжёнными. Будто котёнок ткнулся мокрым носом.

– Настя, – отступил я. – Ты погоди. Ты же на эмоциях сейчас. Посмотри на себя, какая ты красотка, и на меня. Что-то я не вижу, здесь гармонии, а?

– Ты чего! – изумилась она. – Какая разница? Ты мне всегда нравился!

– Да? – недоверчиво прищурился я. – Ты сейчас моё представление о девушках перевернула. Ладно, тогда пошли со мной.

– Куда? – насторожилась она и щёки её чуть порозовели.

– В ванную, куда же ещё?

Глаза её сделались широкими. Похоже, она немного сдрейфила, но отступить не собиралась, хотя и спросила:

– Почему в ванную-то?

Прозвучало это немного растерянно, и я улыбнулся. Улыбнулся и даже залюбовался этой девчулей. Достанется кому-то такой подарочек. Она действительно была ничего. Тоненькая, ладная, длинноногая. Губки, носик, глазки – всё при ней. Картинка. Впрочем, не более. И ещё у меня немного

сердце защемило – чем-то она Катю мою напомнила. Когда я её встретил, она совсем молоденькой была...

– Увидишь, – подмигнул я и, не дожидаясь реакции пошёл в ванную.

Настя сбросила кроссовки и прошлёпала за мной.

– Держи, – сказал я и дал ей в руки машинку. – Аккуратно только, рану не задень.

Я зашёл на кухню, взял табуретку и вернулся. Уселся перед зеркалом, как в парикмахерской и скомандовал:

– Приступай.

– Прямо всё что ли сбривать? – испуганно спросила она. – Налысо?

– Там выставлена длина, это не совсем под Котовского, немного останется.

– Под какого Котовского?

Я только усмехнулся и рукой махнул. Молодёжь...

– Брей, доча.

Не могу сказать что я сразу стал выглядеть, как крутой парень, но, в любом случае, получилось лучше, чем было. Перестал быть похожим на лохматое чучело, хотя бы.

– Ну как? – усмехнулся я.

– Да не знаю, чё-то... – растерянно ответил мой парикмахер.

– Не нравится что ли?

– Да не знаю я... Ну... Так... кринжово немного...

– Это хорошо или плохо?

– Блин... Красивый... чёт я не знаю.

– Ладно, Настя Глотова, спасибо за помощь. Ты есть хочешь?

– Блин, да чё ты с этой фамилией! Я её ненавижу вообще. Из-за неё ко мне Назар этот прицепился.

– Почему?

– Потому что от слова глотать.

Я засмеялся.

– Ну, ты даёшь, подруга. Вообще-то старинная русская фамилия. Дворянская или боярская.

– Правда что ли? – удивилась она.

– Правда. Так... надо как-то волосы...

– Я соберу.

– Как Самсон и Далила?

Она не ответила, но действительно нашла метёлку и собрала состриженные волосы, а потом и зашла на кухню, где я уже проводил досмотр холодильника.

– Тут цыплёнок есть. Хочешь?

– Не, давай лучше пиццу закажем, – предложила Настя.

– Закажем?

– Ну, доставку, чё?

– Нет, я без денег, – на всякий случай ответил я, не понимая, пятьсот рублей – это мало или много в текущей обстановке.

– У меня есть, – пожала она плечами. – Я тебе должна, ты

меня спас.

– Так ты ж уже расплатилась, – усмехнулся я.

Она залилась румянцем. Детский сад, честное слово.

– Ладно, если не хочешь цыплёнка, давай шакшуку делаем.

– А это что? – удивилась Глотова.

– Не знаешь, что ли? Круче пиццы, отвечаю. Вон на подоконнике помидоры лежат, порежь.

Я взял открытую томатную пасту, быстро нарубил чеснок и лук, полил на сковородку масло и бросил обжаривать. Быстро нарезал сладкую паприку, и ветчину. Тоже отправил в сковороду. Она была такой, как я любил – старой чугунной.

– Теперь кинзу порежь, – скомандовал я. – В холодильнике возьми, не слишком мелко только.

Я обжарил ветчину с паприкой, добавил помидоры, а потом и томатную пасту. Протушил это всё и разбил четыре яйца.

Когда всё было готово, высыпал сверху кинзу и поставил сковороду на старую деревянную доску. Мы сели за стол и начали есть прямо из сковороды.

– Ну всё, – покачала головой Настя. – Ты теперь точно мой краш.

– Это что значит? – спросил я.

– Дурак, – нахмурилась она и снова покраснела.

Для барышни с такой манерой одеваться слишком уж часто её бросало в краску.

– Ладно, не парься, макай прямо сюда хлеб. Вот так.

– Блин! Капец, как вкусно. Серёж, ну ты меня удивил.

– Ешь-ешь, – усмехнулся я.

– Ты меня спас, накормил. В общем, настоящий Супермен.

– Ага.

– Чё делать будем? Тебе «Пошлая Молли» нравится? Многие говорят, что это отстой, а ты что думаешь?

– Ну, то что она пошлая, мне кажется уже должно настаораживать, – пожал я плечами и она захохотала.

– Сейчас на телефоне покажу.

Настя достала из кармана такую же плоскую штуковину, как была у меня, приложила палец, и экран засветился. Телефон, значит. Сенсорный. Ага... Она быстро потыкала пальцем, перелистнула несколько страничек и ткнула в синне-красный значок.

– О смотри, вот эта мне нравится.

Экран превратился в маленький телевизор. Охренеть, конечно... Она поставила его на стол и привалила к чашке с чаем, пододвинула табуретку и прижалась ко мне. Заиграла музыка и на экране появился какой-то малолетний неформал. Трындец. Из того, что он ныл я почти ничего не разобрал, кроме странных слов «Целуйте мой контракт, висюльки на руках»... Точно трындец. Остановите Землю, я сойду.

– Ты что не слышал никогда?

– Да почему, слышал... Просто я другое предпочитаю...

«Любэ», «Агату Кристи»...

– Чего?!!

Она захохотала, а на экране замелькало вообще порево какое-то. Куда мир катится.

– Так ты у нас скуф, оказывается, – весёлым колокольчиком заливалась Глотова.

Сколько слов новых за один день. Этак лет через сто от языка, кроме мата ничего натурального и не останется...

– А хочешь, я тебе фотки покажу? Ну, которые я в «инсте» постила?

– В «инсте» постила, – повторил я.

– Я решила забить на «инсту», если честно. Заколебалась уже эти ограничения обходить.

– Ага, – кивнул я. – Правильно решила.

– В общем... но только... чтоб между нами, ладно. На «инсте» только самые безобидные были.

Она снова потыкала в экран и протянула телефон мне. На экране она стояла в одних трусиках, а верх прикрывала подушкой. Я офонарел, честно говоря, а она с интересом наблюдала за эффектом.

– Насть...

– Чего? Ты листай, это так вообще, там намного интересней есть!

– Ты это на общее обозрение что ли выкладывала?

– Ну только вот эту, с подушкой.

– А это... это нормально?

– А чего такого? – округлила она глаза. – Тебе не нравится что ли?

– Да как такое может не понравиться?

Я быстро пролистал и отдал ей. Честно говоря фотки оказались слишком уж откровенными для девятиклассницы и мне прям стыдно смотреть было. Видно, девчонки хорошенько жахнули перед съёмкой.

– А как ты их в телефон загнала? – уточнил я. – Отсканировала?

– В смысле? – округлила она глаза. – Сразу на телефон снимали. У Снежи «Айфон», там камера огонь. Она мне перекинула потом.

Я понимающе кивнул. Типа.

– Ну как? – спросила она.

– Отпад...

– Тебе кто больше понравился – я, Ирка или Жанка?

– Я на них и не смотрел. Слушай, Настя, ты никому их не показывай, ладно?

– Почему? – насупилась она.

– Потому что я запарюсь от тебя всех этих Назаров отгонять.

– А я, может, хотела, чтобы только ты увидел... – сделалась она серьёзной.

Капец, надо было это срочно прекращать.

– Послушай, Настя, – нахмурившись начал я, подбирая слова, чтобы не обидеть и не ранить, а то они в этом возрасте

совсем дурные, но в это время хлопнула входная дверь.

– Мама, – сказал я.

Глотова быстро схватила телефон и убрала в карман.

– О! – воскликнула мама, входя на кухню. – А я думаю, чьи это кроссовки такие гламурные? Привет, Настя. Как дела?

– Здравствуйте, Тамара Алексеевна, – улыбнулась моя гостья, моментально став скромницей.

– Серёжа! Боже мой! Что случилось?!

Мама, мама, мама... а мама у меня врач. Точно. Она педиатр. И всё детство таскала меня по больницам... Вернее, не меня, а своего болезненного отпрыска...

– Решил имидж сменить, – улыбнулся я. – Привет, мам.

– Какой имидж! Что у тебя под глазом?

– Фонарик.

– Кошмар! А на затылке?!

– Да вот, Настя стригла и перестаралась.

– Я?! Нет!!! Тамара Алексеевна!

У Глотовой от ужаса глаза стали, как блюдца, и я засмеялся. М-да... Хотя бы небольшая эмоциональная разрядка нужна же?

– Мам, не беспокойся, пришлось отстаивать свои права. Но зато теперь будущее стало максимально безопасным. Не волнуйся, теперь никаких шрамов и синяков не будет. Сто процентов. А как тебе моя новая причёска?

– Да катастрофа вообще. Просто кошмар. Ну-ка, не кру-

тись, я осматриваю.

Она тщательно и долго рассматривала мой затылок и спросила, наконец:

– Это чем тебя ударили.

– Это я сам. По неосторожности, короче.

– По неосторожности. Вроде не страшно. Голова не кружится? Не тошнит тебя? Ну-ка, следи за пальцем.

Она несколько минут крутила меня, заглядывала в глаза и даже в горло.

– Ты знаешь о чём со мной Салихова хочет говорить? Это с твоими побоями связано?

– Нет, – покачал я головой, и Настя окаменела от ужаса, вспомнив о словах Юли в женском туалете. – Это связано с тем, что я ей сказал.

– И что ты сказал?

– Что она педагог на троечку.

– Ужас! Как ты мог?! Да что с тобой происходит?

– Но никто не слышал, мы один на один говорили. Так что ей волноваться не о чем, никто не узнает.

– Зачем ты это сделал? – воскликнула мама.

– Ну, просто я так думаю. Мам, да не придавай ты этому значения. Она сейчас взвинчена, потому что мы статус меняем. Были школой, а станем лицеем, вот у неё нервишки и не выдерживают.

– Так как не придавать значение? Ты же второгодка, они тебя попытаются выдавить из школы, чтобы другим место

отдать. Знаешь сколько платят за то чтобы в вашей школе учиться? Сумасшедшие деньги. А вы не цените! Ты только благодаря Юлии...

Она осеклась.

– Мам, мы ценим. Мы цыплёнка не ели, кстати. Разогреть тебе?

– А что вы ели?

– Яичницу с помидорами.

– Странно... Ну... ладно. Настя, а ты почему к нам не заходишь? Тысячу лет тебя не видела уже. Ты заходи, пожалуйста, а то у этого обормота лысого и друзей-то кроме тебя нет никаких.

Зато врагов хватает и будет ещё больше наверное.

– Кошмар, зачем же ты так побрился, Серёжа?

– Как зачем, я на бокс хочу записаться, а туда хипарей не берут. Ладно, мам, я пойду уроки делать. Мне ещё Насте про интегралы рассказать надо, а то она не шарит.

Настя засмеялась.

– Боксёр, – покачала мама головой. – Скажи ещё, космонавт. Этот переходный возраст меня доконает...

– Пойдём, – кивнул я своей новой подружке.

Мама осталась на кухне.

– Ты правда, давай осторожнее, – сказала озабоченно Глотова, когда мы перешли в гостиную и уселись на диван. – А то выпрут из школы, что я тогда делать буду? Ты же, правда, второгодка.

А почему же я два года-то в девятом просидел? Я начал тыкаться по разным папкам своего архива, но отдел с информацией об этой истории был закрыт. На учёт, наверное. Что за хрень...

– А почему меня на второй год оставили? – спросил я.

– Так ты же... – недоумённо посмотрела на меня Глотова. – Ты же болел целых три четверти.

– Вот именно.

– Нет, я же не говорю, что ты типа... – она смущённо замолчала.

– Да ладно, договаривай. Что? Тупой?

– Да почему сразу тупой... Я же знаю, что ты просто забил, потому что тебя ну... Обзывали там... Но ты же сам сдал экзамены после девятого. Мне, кстати, эта канитель ещё предстоит весной. Эх, была бы я на полгода старше, а так... Говорят, экзамены будут прям пипец, лицей ещё свои профильные поставит и всех будут отсеивать прям конкретно. Чтобы там разных сыночков принять... Короче, ты тоже берись за учёбу. Хватит уже, ладно?

– Слушай, Насть, мне надо человека одного найти, не знаю, как?

– Какого человека? – нахмурилась она. – Это ту девку, с которой ты в больнице лежал?

– Да блин, какую девку. Это когда было вообще? Нет чувака одного надо пробить.

– Ну, а ты гуглил?

– Нет.

– Ну, загугли, может есть инфа в сети. Или в ВК. Что за чувак? Он кто?

– Ему уже за пятьдесят.

– О, зачем тебе скуф какой-то? – она прищурилась. – Или это... Это твой отец биологический?

– Тьфу! Ну и фантазии у тебя. Не отец.

– Ну, скажи, кто? Давай, я сейчас поищу в ВК. А почему ты никак не зарегистришься? Давай тебе тоже акк сделаем.

– Потом сделаем. Ты сможешь пробить в ВК?

– Давай попробуем. Говори имя.

– Щеглов Никита Антонович, – назвал я Никитоса.

Она ткнула на значок на экране телефона и на появившейся на том же экране клавиатуре, набрала имя Никитоса.

– Смотри сколько здесь Никит Щегловых, – помотала она головой. – Двести человек... Есть тут твой?

Мы стали листать. Там в основном были молодые пацанята, хотя и взрослых дядек тоже хватало. Но на моего Никиту никто не походил.

– Ну... давай в Яндексe поищем, – пожала плечами Глотова и, смахнув с экрана программу, запустила другую.

В принципе это выглядело довольно просто, но надо будет хорошенько разобраться.

– О! – удивилась она. – Смотри. Сразу выдало. Начальник областного УВД генерал-майор Щеглов прокомментировал слухи о вызове в Следственный комитет. Вот фотка.

Посмотри.

Она протянула телефон, и мне пришлось хорошенько постараться, чтобы не выдать эмоций. Это был Никитос. За-матеревший, раздобревший и ставший седым, но, безо всяких сомнений, Никитос. Сердце забилося, как перед боем. Я сжал зубы.

– Он? – засмеялась Настя.

– Нет, – тихо ответил я. – Не он... А можешь глянуть Екатерину Викторовну Шалаеву в ВК?

Сердце застучало ещё сильнее и даже голос будто бы стал другим.

– А это кто? – нахмурилась Глотова.

– Ну... девушка там одна... семьдесят третьего года рождения.

– Тоже мне девушка, – усмехнулась Настя. – Даже на милфу уже не тянет. А вот, тоже в Яндексe... Но это старая заметка, десять лет назад было. Жена начальника ГУВД задекларировала недвижимость на астрономическую сумму... Но это желтизна какая-то, не...

– Дай! – излишне резко воскликнул я и вырвал телефон из рук Глотовой.

– Ты чего?

– Где фотографию посмотреть?

– Ну, ты нажми на ссылку, там, может, и фотка будет. Это она что ли?

Я не ответил и жадно впился глазами в фотографию де-

сятилетней давности. Сердце оборвалось, во рту пересохло. Вне всяких сомнений это была Катя. Моя Катя. Повзрослевшая, но всё ещё красивая. С той же улыбкой и тем же мягким, проникающим в душу взглядом. Ухоженная. Дорогая...

Я, значит, сидел тут на диване с малолеткой, пытавшейся меня соблазнить, а она... А она была женой начальника городского управления Щеглова. А теперь, стало быть и областного...

– Молодец Никитос, – процедил я сквозь зубы и сжал кулаки. – Молодец...

– Какой Никитос? – удивилась Настя.

Я не ответил.

– Слушай, – вдруг воскликнула она. – А этот ваш Мэт? Ну, из твоего класса... Это не её сын? Он же тоже Шалаев? Ей сколько, значит, сейчас? Пятьдесят два что ли? А ему шестнадцать. Значит она его в тридцать шесть родила?

– Что-то поздно... – покачал я головой.

– Почему поздно? – пожала она плечами. – Нормально. Вполне может его матерью быть. Дай-ка я его профиль в ВК проверю. Да, точно, вот он. Мать Катя. Она у него в друзьях, прикинь?

Настя засмеялась.

– Почему ты смеёшься?

– Маменькин сынок! Она его контролирует. А, смотри, у него ещё старшая сестра есть. Живёт в Америке. Ни фиги себе. У сестры муж и двое детей.

У моей Кати двое внуков... В голове это не укладывалось...

– Ну что? Её ты искал?

Лучше бы не нашёл! Я нахмурился. Нужно было возвращаться. Туда, в лес, в снег, к яме с перепуганной Юлей. Хотя чучелом, хоть тушкой, но возвращаться, потому что получалась полная хрень! В этот момент я чувствовал гнев, ярость и острое желание оторвать Никитосу башку.

– А адреса там нет? – спросил я, немного справившись с захлестнувшими чувствами. – Этой Кати.

– Ты прикалываешься? Может там ещё номер банковской карты поискать?

– Сука... – прошептал я.

– Ты чего? – обалдела Настя.

– Да, это я о своём. Извини...

– Ну, блин, Серёга, ты даёшь. Ты что, решил Мэту что ли отомстить? Ну... это же он тебя сегодня?

– Да ну нафиг, – сжал я кулаки. – Дочь в Штатах и сын в крутой школе, да? А самого его вызвали в следственный комитет... И куча недвижки... Так-так-так...

– Краснов, да что с тобой? —напряглась Настя. – Ты чего возбуждился так? Главное, на меня не возбуждился, а на милфу какую-то... Может, ты извращенец?

– Может, Катя, может... То есть Настя... Ну-ка покажи мне свой акк в ВК.

– Всё самое интересное я тебе уже показала сегодня, – на-

хмурилась она.

– А можешь меня зарегистрировать?

– Да какие сложности-то? Давай телефон.

Я подал.

– Фу, ты почему экран не заменишь? Как ты с такими трещинами вообще живёшь?

Я внимательно следил за тем, что она делала, пытаюсь запомнить, что к чему. Я в компьютерах немного шарил, даже на специальные курсы на ФПК ходил. Меня шеф посылал. Я отлично помнил все команды MS DOS, но тут было всё другое.

– Придумай пароль. Сейчас тебе смс придёт с кодом, его ввести надо будет...

Мы ещё некоторое время просидели за телефоном. Настя показала, что к чему в этом ВК, и я более-менее понял логику.

– Слушай, а как можно узнать адрес Мэта? – спросил я.

– Ну, – усмехнулась Глотова, – не знаю. Напиши ему сообщение, типа Мэт, здорово, куда тебе бабки завести, скажи адрес. А за что ты ему пять тысяч задолжал?

– А об этом что, вся школа знает? – нахмурился я.

– Может и не вся, а только те, кто тобой интересуется. Слушай, как думаешь, Салихова стуканёт родакам? Просто кринжово получается. Я как бы пострадавшая сторона, а этот урод Назаров на меня стрелки перевёл. И, самое обидное, Юля даже разбираться не стала, а сразу ему поверила. Как

так? Я в шоке. И главное, я что родителям буду говорить?

– Скажешь, как есть, – отстранённо пожал я плечами. – Они не Салихова, они поверят.

– Ага, поверят точно. Ты отца моего не знаешь? Он прилетит тебе мозг выносить, а на меня пояс целомудрия напялит и бабкино платье в пол. А из дому только по пропуску будет выпускать.

– Я с ним поговорю.

Настя невесело засмеялась.

– Ладно, пошла я домой, – махнула она рукой.

Мы вышли в прихожую.

– Тамара Алексеевна, – крикнула Настя. – До свидания.

Мама вышла из кухни.

– Уходишь уже, Настя?

В этот момент раздался звонок в дверь.

– Открой, Серёжа, – кивнула мама. – Кто это там...

Я повернул ручку замка, потянул дверь на себя и... *Добрый вечер, я лось...* На пороге стояла Юля Салихова.

– О, и Глотова здесь, – нахмурилась она, одарила нас долгим испытующим взглядом и тихонько прикрыла за собой дверь. – Ну, здравствуйте, дети...

4. Год не пей, два не пей, а после бани выпей

Юля по-хозяйски скинула туфли и шагнула вперёд.

– Ну-ка, Глотова, иди сюда, – кивнула она в сторону моей комнаты и схватила Настю за локоть. – На пару слов.

Они зашли в гостиную и дверь закрылась.

– Серёж, отойди, не подслушивай, – строго сказала мама.

Я кивнул и отошёл от двери. Меня этот разговор вообще не интересовал, я думал совсем о других вещах. Я судорожно пытался понять, что нужно сделать, чтобы улететь обратно. Погостили и хватит. Будущее прекрасно и удивительно, но, как говорится, *есть у нас ещё дома дела...*

Никита был ближайшим другом. Братом! Что должно было произойти, чтобы он вот так поступил...

– Да я-то не виновата! – долетел вдруг из комнаты Настин голос. – Это же Назаров! Он напал на меня, вы понимаете? А потом у подъезда поджидал! Хотел увезти на машине.

– Даже если ты не фантазируешь, – тоже повысила голос Юля, и в нём зазвенели железные нотки, – ты сама своим поведением провоцируешь таких, как он.

– Как?!

– Да ты посмотри на себя, как ты ходишь, в каком виде! Будто сама приглашаешь! А в «Инстаграме» твои фотографии! Это же просто ужас какой-то! Я вот сейчас зайду и покажу твоим родителям!

– Я их удалила давно! Да в них нет ничего такого! Обычные фотки!

– Нет, Настя, не обычные! Ты должна прекратить свою сексуальную революцию, если не хочешь, чтобы к тебе приставали все эти Назаровы и Шалаевы! Ты поняла меня?

Глотова что-то ответила, но тихо, и мы с мамой не услы-

шали.

– Пойдём лучше на кухню... – смутившись, что невольно подслушала чужой разговор, предложила мама.

Но дверь гостиной открылась и из неё выскочила красная Настя. Она впрыгнула в свои кроссовки, бросила «до свидания» и вылетела из квартиры. А Юля, покачав головой, двинулась к нам.

– Тома, напоишь чайком? – спросила она.

Вид у неё был озабоченный и невесёлый.

– Да, конечно, проходи, Юль. Я курицу запекала, будешь? Сейчас помидорки со сметанкой сделаем. Серёжка поел уже, так что мы с тобой сами посидим.

– Нет, пусть он тоже. Ты знаешь, что он мне сегодня разнос устроил, что я хреновый педагог?

– Сообщил уже, – расстроенно вздохнула мама. – Ты извини, пожалуйста... Что у вас там с этим лицом, вообще что ли жешь?

– Не то слово, – махнула Юля рукой, и в этом жесте и в выражении лица я вдруг увидел ту самую Юлю из ларька у старого цирка. – Это ты ему сказала, что я в ларьке торговала в девяностых?

– Ты что! – распахнула глаза мама. – Зачем бы я это делала?

– Как узнал? – хмуро и равнодушно кивнула мне Юля.

– Вы сами как-то обмолвились... – неохотно ответил я и даже не соврал.

– Не помню такого, – прищурилась она и посмотрела на меня долгим взглядом. – Молодец, кстати, что состриг свою гриву. Хотя на человека стал похож. В общем, обстановка у нас аховая...

Мы сели за стол. Мама поставила тарелки с едой, а перед собой и Юлей ещё и бокалы.

– Ну-ка, кавалер, обслужи дам, – кивнула она мне. – В холодильнике возьми.

Я достал из холодильника начатую бутылку белого вина, заткнутую пробкой и налил по бокалам.

– Садись-садись, – бросила мне Юля. – Тебя это в первую очередь касается. С Назаровым постарайся не цапаться. Его родственница – министр образования области и заместитель губернатора. А сам он, не Прохор, естественно, а его родитель, практически единовластный владелец «РудАгроХим Ресурса». А про «РудАгроХим» можно ничего не говорить, и так всё ясно.

– Ну да, всей областью владеет, – кивнула мама. – А к школе-то какое имеет отношение?

– Прямое. Они фонд организовали, «Открытая перспектива» называется. И всем учителям прямо конкретно по предметам обещают гранты. И суммы приличные фигурируют. Хотят, чтобы наша школа, а точнее, лицей, стал лучшим в стране, чтобы сюда из всех городов дети учиться ехали и даже из других стран. Ну, естественно не бесплатно.

– Так у вас там битва сейчас, наверное? – участливо спро-

сила мама.

– Не то слово, Тома, не то слово. Штат же будут пересматривать. Хотят каких-то профессоров привезти, а из нас оставить только самых эффективных. Так что у нас там сейчас подковёрные войны, интриги, скандалы и расследования. Все друг дружку пасут, провоцируют и стучат. Русичку новую, молодую девчонку, затюкали совсем, житья не дают. Я про Серёжину классную, Елену Владимировну Алфёрову. А она, между прочим, очень сильная и прогрессивная. Но я уверена, сожрут её наши крокодилы.

– А с учениками как будет? – спросила мама.

– И с учениками так же. Как только станем лицеєм, тех кто по месту жительства к нам относится, но не тянет по баллам будут вышибать коленом под зад.

– А плату за обучение высокую планируют?

– Высокую, но вроде только для приезжих пока, точно не знаю. Очень много неопределённости. Но ты же понимаешь, дело не в стоимости обучения, а в том что мест мало, а желающих уже сейчас много. Головами-то подумайте своими. Понимаете?

Мама нахмурилась.

– Там у вас взятки что ли? – прошептала она.

– Тома! Ну ты прям... В общем, Сергей, пойми, нужно быть ниже травы, тише воды! Никаких конфликтов, особенно с Назаровыми, Шалаевыми и прочими сильными мира сего. И показатели. Всю лень и обиду отбросить и взяться за

учёбу. Жизнь, знаешь ли, вообще штука несправедливая, так что замучаешься рефлексировать на эту тему. В общем, ты меня понял?

Я задумался. Откуда он взялся, Назаров этот? Я не мог вспомнить ни одного Назарова, из которого бы вырос такой олигарх.

– То есть, у него всё схвачено, да? – нахмурился я.

– У Назарова что ли? Не то слово. Вообще всё!

– Понятно. А откуда он? Местный?

– Местный, конечно, – кивнула Юля. – Он в девяностых цементными заводами занимался.

– Занимался? – хмыкнул я. – Рейдерством он, похоже, занимался. Он не из Ширяевских ли будет?

– Ты-то откуда про Ширяевских знаешь? – округлила глаза Юля.

– Да, так... Читал... В Яндексе много всего пишут...

– Ну, а раз читал, понимаешь, что это за человек. Понимаешь, да? Он выглядит респектабельно и цивилизованно, с большими людьми знаком, а только поскреби его и найдёшь там и Ширяевских и всех остальных.

Вот суки! Проползли-таки в светлое будущее. Твари. Нет, точно нужно возвращаться! Без меня там, судя по всему, не справились ребята.

– Серёжа, – продолжила Юля. – Я тебя очень прошу, не связывайся с Прохором. Он очень неприятный парень, я не спорю. Но не надо ворошить улей, всем же хуже будет.

– Я, конечно, дико извиняюсь, Юлия Андреевна, – удивлённо поднял я брови. – То есть нужно было стоять и смотреть, как он Глотову того самого что ли?

– Ну чего «того самого»? Что бы он ей сделал-то? Он же школьник!

– Вообще-то он со своими товарищами планировал сексуальное насилие осуществить.

– Серёжа! – одёрнула меня мама.

– В составе группы лиц. И прямо в школе, где вы планируете крутой лицей забабахать. А потом к её дому подъехал на отцовской машине и пытался увезти в неизвестном направлении. И что, сейчас жизнь такой стала, что мы все должны просто встать и с виноватой улыбочкой смотреть на эту мерзость? А «ку» сделать не нужно?

– Ну что ты драматизируешь?! – воскликнула Юля. – У тебя подростковый максимализм! Она ведь сама виновата! Ты посмотри, как она выглядит! Как нимфетка! Юбка жопу не прикрывает! А фотографии ты видел, какие она в соцсетях выкладывает? Естественно, мальчики будут реагировать. Причём именно таким образом, который соответствует её призыву. Прийди и возьми меня. Она не такая уж паинька, между прочим и...

– Обычный ребёнок в переходном возрасте, – перебил я. – У неё созревание, психологические трансформации, или как там это называется. Вы же педагог, не я. Вы знаете, наверное, как в таких ситуациях с детьми работать.

– Серёжа, ну ты прислушайся к тому, что тётя Юля говорит, – всплеснула руками мама. – Она же лучше знает. И ситуацию и вообще...

– А я вот хотел бы спросить у тёти Юли, – прищурился я. – У неё самой были в жизни такие моменты, что если бы кто-то за неё не вступился, то она бы попала в такую беду, что неизвестно, выбралась бы из неё или нет?

Я уставился на неё в упор и она остолбенела. Да и мама тоже. Повисла тяжёлая, полная электричества, пауза.

– Да, были, – наконец ответила Юля.

Она помрачнела и мне даже показалось, что глаза у неё увлажнились.

– Я в девяносто пятом попала в страшную передрыгу. И если бы один очень хороший человек мне не помог, то меня бы сейчас здесь не было.

– И где сейчас этот человек? – прищурился я.

– Сейчас он на Южном... на кладбище... Он... погиб. Он в милиции работал.

– Бандиты убили? – уточнил я.

Юля кивнула, и из глаз у неё выкатились две огромные слезы.

– Да... Из-за меня...

Она встала из-за стола и вышла.

– Ну ты чего взъелся на неё? – сердито воскликнула мама. – Она же о тебе заботится, не ради себя всё это говорит. Прямо смотрите на него, правдоруб какой выискался.

Ты уроки лучше учи, а то будешь до тридцати лет в десятом классе сидеть.

– Да ладно, – вздохнула Юля, входя обратно и постукивая кончиками пальцев под глазами. – Просто воспоминания накатили. Серёжка ни при чём. Жизнь сейчас совсем другая, хорошая, добрая. Закон везде, порядок. Достаток опять же. Ну, какой-никакой, а есть. Всяко лучше, чем тогда приходилось. Я ведь в ларёк пошла не за какими-то богатствами. Тут по Маринку кормить нечем было. Это всё в прошлом уже. Но природа человека не меняется со времён Каина и Авеля. Поэтому нужно быть умным и хитрым, понимаешь? Не грудю на амбразуру, а подумать сначала, всё хорошо взвесить и подготовить.

Я продолжать спор не стал. Просто кивнул и всё. Вскоре Юля засобиралась.

– Я пойду провожу, – кивнул я.

– Ну, иди, – согласилась мама. – Не поздно только. Не задерживайся.

Мы вышли из подъезда.

– Чего тебе? – нахмурилась Салихова.

– Юля...

Она посмотрела, будто рублём одарила.

– Андреевна, – добавил я. – Не из-за вас его убили.

– Тебе-то откуда знать, юный медиум?

– Ну, скорее всего, вас просто как предлог использовали. Или заманили там, знаете...

– Сериалов посмотрелся что ли? «Бригаду» или «Слово пацана»?

– Да нет, я правда так думаю.

– Ну ладно, спасибо за моральную поддержку. А резюмируя нашу сегодняшнюю дискуссию, скажу, не будь дураком и учись как следует.

– Ладно, – кивнул я. – Можете мне адрес Шалаева дать?

– Зачем ещё? – нахмурилась она.

– Ну, неформальное общение хочу наладить.

– Не смеши, я же знаю, что у тебя с ним сегодня конфликт произошёл. Зачем тебе его адрес?

– Извиниться хочу, – хмыкнул я.

– За то, чего не совершал?

– Ну Юля! Тётя... Как кстати там Марина ваша поживает?

– Нормально поживает, – недовольно ответила она. – Разводится со своим козлом.

– Прямо совсем козёл? – поинтересовался я.

– А я ведь её сразу предупреждала, да вы разве слушаете кого-то кроме себя? Самые умные, на кривой кобыле к вам не подъедешь, да?

– Ну почему...

– Вот и я не знаю, почему. Слушай, Сергей, не гробь свою жизнь, правда. Шалаев живёт на Зелёной поляне.

– Это где такая?

– Как где? Ты чего, шутишь что ли? Там где, дядька твой живёт, в коттеджном посёлке.

– А-а-а... – протянул я. – Ну да... Точно...

– Ты в это время только на такси можешь уехать за доро-
го. И имей в виду, там частная охрана, полиция и всё такое.
Это я на всякий случай тебя предупреждаю, чтоб ты даже в
мыслях в том направлении ничего не допускал. Ясно?

– Прямо полиция?

– Так! Не морочь мне голову. Всё, иди домой. До свидания.

Попрощавшись с ней, я побродил по знакомым улицам, фиксируя изменения, а остаток вечера провёл с телефоном и обнаруженным в столе ноутбуком. Разбирался и разобрался. На самом деле, когда включился в процесс, всё пошло само собой и навыки Серёжи Краснова «из архива» распаковывались и вставали на место почти в автоматическом режиме.

Спал я крепко и снов не видел, а утром ко мне завалилась Глотова.

– Я в школу с тобой пойду, – сказала она не терпящим возражения тоном. – Я под твоей защитой теперь.

Я усмехнулся, одета она сегодня была на удивление скромно. Возражать не стал, тем более, лучше было зайти в школу с кем-нибудь, а не в одиночку, мало ли какие у них там ещё хитрости имелись. Идти было всего-то десять минут, даже меньше.

Первым уроком по расписанию стояла литература. Класс оказался красивым, светлым и современным. С огромными

плоскими экранами, компьютерами и, разумеется, портретами классиков. Когда я вошёл, сначала никто не обратил внимания, но потом заметили и понеслось на все лады.

– Красивый красоту свою усилил!

– Красивый стал Неотразимым.

– Крас решил биться с Мэтом.

– Он за ночь скиллы прокачал.

Ну и всё в таком роде.

– Серёженька, – разулыбалась розовая Алиса. – Иди посиди со мной. Ты такой красивый стал.

Но я отыскал глазами Рожкова, занятого своим телефоном и подошёл к нему.

– У тебя свободно? – спросил я.

Он поднял на меня глаза и завис, уставившись на мою новую стрижку.

– Подобное – к подобному, – засмеялась Алиса.

– Тебе чё надо? – рыкнул он и кивнул на угрюмую черноволосую дивчину. – Иди вон к жирной садись! Неприкасаемым сюда нельзя.

– Понятно, – кивнул я и опустился на стул рядом с ним.

– Э, ты не понял меня? Пошёл вон, Краснов!

Прозвенел звонок.

– Ты чё кипешуешь, Илюха? – усмехнулся я. – Мне спросить у тебя надо кое-что.

– Да мне по барабану, что тебе надо!

– Здравствуйте, – раздался приятный девичий голос, но

никто не обратил внимания.

Все ржали над Рожковым, который не мог от меня избавиться.

– Ты чё, Краснов?! – он несильно саданул меня по плечу и сделал страшную рожу.

– Рожков, я сказала здравствуйте. Поднимайтесь, поднимайтесь, десятый «бэ».

Все неохотно начали вставать. Я посмотрел на училку, ту самую, которую вчера вечером упоминала Юля. Молоденькая, хорошенькая. Сама, как ученица. Стройная, голубоглазая, с русой косой, как Алёнушка. Ну, собственно, она и была Алёнушкой, вернее Еленой Владимировной.

– Здравствуйтесь, ребята. Садитесь, пожалуйста. Так, кого у нас нет сегодня?

– Кузина и Шалаева.

– Понятно. Шалаев, как обычно. Он на другие уроки ходит?

– Бывает.

– Ну, передайте ему большой привет. Ладно, возвращаемся к нашему дорогому Илье Ильичу Обломову. Дочитали вы произведение?

– Чё те надо, Крас? – повернулся ко мне Рожков. – Чё ты докопался до меня?

– Два вопроса и оба конфиденциальные. Чисто по-пацански, лады?

Он насмешливо скривил губы:

– Ну?

– Первый. Ты чем занимаешься?

– Литературой! – воскликнул он громче, чем надо.

– Илья, что такое? – улыбнулась училка. – Хочешь о своём тёзке поговорить?

– Нет, – резко ответил он.

– Ну, тогда води себя потише, а то я захочу рассмотреть твою точку зрения.

– Короче, – продолжил я, когда Елена Владимировна переключила внимание на кого-то другого, – ты чем занимаешься, боксом?

– Нет.

– А чем?

– ММА, – хмыкнул он.

– Это что, бои без правил или как там? Слышал я такую тему.

– Слышал такую тему? Ты прикалываешь меня или что?

– А где занимаешься?

– В «Энергетике». Тебе-то что?

– Да я тоже хочу заняться. Можешь меня тренеру представить?

– Ты чё, дурак что ли? Ты же в зеркале своё отражение видел. Я свидетель, ты видел. И ты думаешь, тебя возьмут что ли с такими данными?

– Да, думаю возьмут.

– Типа, потому что ты свои патлы состриг? – хмыкнул он.

– Краснов! – окликнула меня училка. – Вы так увлечённо обсуждаете с Рожковым проблему.

– Елена Владимировна, отсадите его от меня! – воскликнул мой сосед.

– Почему? – удивилась она.

– Мнениями не сошлись, – ответил я.

– Смотрите, Крас заговорил, – крикнула Алиса. – Исторический момент.

– Ну, давай, Краснов, выходи сюда, раз заговорил, – довольно дружелюбно предложила учительница. – Ребята, потише, пожалуйста.

– Тихо, король говорит! – заржал кто-то.

Я вышел, и все с интересом на меня уставились. Даже с каким-то азартом, будто ждали, что я выкину какой-нибудь фортель.

– Это ошибка, Елена Владимировна, – крикнул наглый пацанёнок в чёрном выпендрёжном пиджаке с блестящими лацканами. – Вы же знаете, Краснов тупой, он двух слов связать не может.

– Он кретин! – добавил один из тех, что крутился вчера вокруг Мэта.

– Так, может, ты, Вогулов, хочешь ответить вместо него? Или ты, Янусов?

– Нет, я не хочу.

– И я не хочу.

– Ну, вот и помолчите. Давай, Серёжа, отвечай.

– Да он же второгодник!

– Так, прекратите все, – чуть повысила голос училка. – Итак, говорим о мнении Добролюбова. Что такое обломовщина согласно его представлениям?

Я пожал плечами. Все притихли, готовясь захохотать, выпалить что-нибудь глумливое и едкое, а я провёл ладонью по своему свежему ёжику. Катя моя курсовую писала по Гончарову. Причём, совсем недавно писала.

– Ну, не вздыхай, Серёжа. Отвечай.

– Не понимаю я, Елена Владимировна...

Класс взорвался от смеха.

– Ну-ка, тихо! – хлопнула она ладошкой по столу. – Что не понимаешь? Поясни.

– Не понимаю, почему этого русофоба Добролюбова никак не изгонят из школьной программы.

Сразу стало тихо.

– Что-что?!

Она широко раскрыла глаза, пытаясь понять, что у меня на уме.

– Ну, посудите сами. Он говорит, что обломовщина – это типичный образ жизни русского человека, включающий в себя апатию, лень и бесцельное существование. Нет, такие люди встречаются, конечно. Даже в нашем классе имеются, и далеко ходить за примерами не надо. Посмотрите на Вогюлова и Янусова.

Класс снова захохотал.

– Но это, – продолжил я, – не является отличительной чертой русского народа. Как раз, наоборот. Ещё поискать надо более трудолюбивых и изобретательных людей, чем наши соотечественники.

– Как любопытно. А что же представляет из себя обломовщина по твоему мнению?

– Во-первых, такого явления я лично никогда не встречал в реальной жизни. А что касается Ильи Ильича Обломова, вымышленного персонажа, то некоторые литературоведы считают его последним русским богатырём и даже русским Гамлетом. А кто-то сравнивает его бездействие с алхимическим Великим деланием. И если мы посмотрим какие приводятся аргументы, то скорее всего согласимся. Если не станем пребывать в апатии и лени, продлевая своё бесцельное существование.

Ну, и дальше коротенько, как говорится, минут на сорок, я задвинул пару актуальных теорий. На место я вернулся в полной тишине, которая была, на самом деле, красноречивее и громче самых громких оваций и фанфар.

– Илья, короче, когда у тебя тренировка? – снова прижал я Рожкова. – Я хочу начать заниматься. Но только, чтоб ты с тренером поговорил.

Задерживаться в этом мире я не хотел, совсем не хотел, но и не понимал пока, как мог вернуться назад. А тренировки... Тут ведь как, чем меньше простаиваешь, тем лучше.

– Да блин! Не возьмёт он тебя.

– Ну, не возьмёт, значит не возьмёт. Я тебе заплачу, хочешь?

– Достал ты. Ладно, в половине четвёртого сегодня приходи. Знаешь, комплекс у старого моста на Кузнецком?

– Знаю.

– Если опоздаешь, можешь сразу забыть об этом разговоре.

– Не опоздаю. Чё надо с собой иметь?

– Кимоно, но можно для начала просто шорты спортивные и футболку. Занимаемся босиком.

– Понял. Второй вопрос. Знаешь адрес Шалаева?

– Мэта? Зачем тебе?

– Да надо. Хочу в гости к нему съездить.

– Бабки что ли отвезти?

– Ну... – пожал я плечами. – Типа. Ты был у него когда-нибудь?

– Был на днюхе в прошлом году.

– Так дай адрес.

Он порылся в телефоне.

– Скажи номер, я тебе в «телегу» скину. У тебя телега есть?

– Кидай, – кивнул я, соображая, что такое «телега». – У меня всё есть.

– Слушай, ты после вчерашнего прям на себя не похож. У тебя там в черепушке твоей всё по полочкам что ли разлеглось?

– А как лучше доехать?

– На такси рублей семьсот, я думаю. В одну сторону. Зависит от загруженности. Ну, автобус вроде ходит какой-то.

– Ладно, спасибо, Илюха. Только смотри, язык за зубами, понял?

– Блин, Крас, только не наглей, ясно?

– Адиос, амиго.

На остальные уроки я не пошёл. На перемене вышел из школы и не вернулся. Зашагал по бульвару, у драмтеатра перешёл через Советский проспект и нырнул во двор к Четвёртой поликлинике, а дальше – в сторону городской бани.

Баня стояла на месте и даже внешне не изменилась. Я дёрнул дверь и вошёл в пахнущее берёзовыми вениками помещение. Прошагал через вестибюль и подошёл к буфету.

– Закрыто ещё, – не глядя на меня бросила тётка в белом халате и накрахмаленном, стоящем колом, марлевым чепце на голове.

Я усмехнулся. Такое чувство возникло, будто я не в будущее, а в прошлое перелетел, в глубокий совок. Правда буфет выглядел сейчас совсем иначе. Пивной кран, стойка, вывески, бутылки. Прибежище тех, кто живёт по принципу *год не пей, два не пей, а после бани выпей*.

– Я Кукушу ищу, – ответил я тётке.

– Кого? – скорчила она пренебрежительную физиономию. – Ты чего несёшь, шкет?

– Мне нужен Кукуша, – твёрдо повторил я.

– Шуруй отсюда, а то я тебе такую кукушу сейчас устрою.

Из двери за её спиной вышел толстый плешивый мужик с круглым тугим животом. Халат на его пузе не сходиллся, и оно торчало, как стенобитное орудие. Он настороженно оглядел меня, отодвинул бабу в сторону и упёрся руками в стойку. Толстые волосатые пальцы были унизаны перстнями. Синими, набитыми в разные годы.

– По этим пальчикам учебник истории написать можно, – покачал я головой.

– Тебе чё надо, шнурок? – прохрипел он.

– Кукуша кукует, а вор ворует, – усмехнулся я и глянул ему в лицо.

Он моментально покраснел, будто у него резко подскочило давление и остолбенел. Постояв так какое-то время, он порывисто повернулся к тётке.

– Иди, Люда... накладные проверь... Нам тут перетереть надо...

5. Ведь с тобой, мой мусорок, я попутала рамсы

Кукуша обвёл меня тяжёлым взглядом, и я заметил, как левое веко у него пару раз легонько дёрнулось.

– Ты кто? – со свистом просипел он.

– Что-то я не расслышал, – нахмурился я.

Он настороженно обернулся, проверив, удалилась ли Люба и, понизив голос ответил:

– Сколь вору ни воровать...

– А тюрьмы не миновать, – усмехнувшись, закончил я и показал на его чернильные перстни. – Всё, как по писанному, да, Кукуша? Чё? Я тебе говорил, что и с того света достану?

Он захлопал глазами, пытаюсь понять, что же такое здесь происходит.

– Так как же это... Сергей Михайлович?

– Не рад что ли? – я засмеялся.

– Да что вы говорите такое! У меня же жизнь остановилась, после того, как вас схоронили... Вон, всё ж по рукам видать.

– Видать, – вздохнул я. – Всё видать. Но ничего, Кукуша, наше время пришло. Теперь мы им покажем.

– Только... не пойму я... как это так? Это ж... Не бывает так...

Он даже головой потряс, чтобы прибавить себе ясности. Я снова усмехнулся.

– Ладно, дядя Слава, не буду тебя больше за нос водить.

– Чё?

– Ну не Бешеный же я. Ты же сам видишь. Я его племянник.

Он резко поднёс руку, практически саданул себя по лицу и вытер взмокший лоб. У него всё лицо мокрым было.

– А как ты узнал тогда? – прохрипел он. – Это только он и я...

– От него и узнал.

– А лет тебе сколько? – с угрозой в голосе спросил он и рожа его стала дикой и даже немного жуткой. – Ты чё, додик, в натуре, от фонаря двигаешь? Ты чё елдачишь, ботало? Я ж те звякало твоё голыми рукам выдеру и в фуфло затромбую! Я ж тебя...

– Осади коней, Кукуша, – прикрикнул я. – Забыл, как Сергей Михалыч тебя малька малолетнего из дела вывел?

– И чё?

– А как помогал тебе, чтоб ты на твёрдую дорожку встал? Он опасливо оглянулся.

– И то, как вы по Ахмату...

– Ладно-ладно... Тихо!

– Знаю, что не забыл, Кукуша. Он тебя тоже...

– Так он же...

– Пойдём на свежий воздух, там поговорим.

Он кивнул и крикнул напарницу:

– Люба, иди постой. Я скоро!

Мы отошли от бани и сели на скамейку под рябиной с нежными розово-жёлтыми листочками и тяжёлыми налившимися гроздьями.

– Короче. Все эти пароли и позывные для чего были? – с менторской ноткой спросил я и кивнул, в знак весомости своих слов.

– Так чтоб, если кто объявится от Бешеного... от Сергей Михалыча, то есть...

– Ну, вот я и объявился, а чё ты тогда кипишуешь?

– Так тридцать лет прошло с тех пор, а ты вон, пацан совсем. Как бы он тебе сказал?

– Я тебе сейчас все ваши дела с Сергей Михалычем по секундам распишу. Как ты ему помог Кокса взять, как втёрся к Мише Фармазону и чуть не погорел, и пришлось ему мозги вышибать, как Ахмата вели, да не взяли. Или могу сказать, как Бешеный пальчики твои из дела убрал, и ты из обвиняемого стал свидетелем. А знаешь, почему? Потому что он свет в тебе видел. Видел, что человеком можешь стать. Знал, что ты детдомовский, что некому за тебя слово замолвить...

– Хорош уже, – оборвал меня Кукуша, и тыльной стороной ладони вытер повлажневшие глаза. – Чё душу-то рвёшь? Если б не завалили его тогда Ширяевские... Как ты-то узнал, вообще? Тебя ещё и в помине не было тогда.

Я говорил правду. Хотел вырвать пацанёнка этого из трясины воровской, выдернуть из колеи. Помочь. Он тогда тощий был, как цыплёнок ощипанный. И голову набок держал. Он мне помог хорошо, и я решил ему тоже помочь. Он в те времена с кировскими тёрся, а батя у него авторитетным вором считался. Правда, всю жизнь по зонам мотался, а случайный отпрыск его в детдоме лямку тянул.

– Живой он, – сказал я. – Не умер Бешеный.

– Чё ты гонишь?! – вскочил со скамейки Кукуша. – Я ж на похоронах был!

– Вместо него Панаса закопали. Помнишь, его найти не могли?

Кукуша выпучил глаза и рот открыл.

– А дядьку вывезли тогда. Он в Польше долго торчал. Лечился. Пуля всё лицо разворотила. Потом в Аргентину перебрался.

– А чего весточку не подал?! – с обидой воскликнул Кукуша, снова усаживаясь на скамейку.

– Не мог. И нельзя было. Его же свои менты грохнули. Да только не добили. Добрые люди помогли, вывезли без сознания, едва живого. А эти упыри до сих пор его ищут, порвать хотят. Поэтому никому ни слова, ясно?

– Если б я только знал, – всхлипнул Кукуша. – Он мне за отца был, понимаешь? Дядька твой. Я таких людей...

Он отвернулся.

– Ладно, Кукуша. Вижу, жизнь твоя не сказкой была. Но и он там не в райском саду нежился. Короче, он спрашивает, может ли всё ещё на тебя рассчитывать?

Толстяк молча кивнул, и в глазах его отразилась решимость.

– Дядька не сомневался, – кивнул я и хлопнул его по плечу.

– А чё он, хочет?

– Как и все мы. Справедливости.

– Порвать их?

– Порвать. Чтобы я порвал. Поможешь?

– Помогу, – без раздумий ответил он. – Только я не при делах сейчас. Снова в бане стою, как и тогда. Вот так жизнь

и проскочила. Вкруговую...

– Прикинь, Бешеный вообще не сомневался, что я тебя здесь найду. А жизнь... жизнь пока не проскочила. Ты вон бык молодой ещё. Дети-то есть?

– Какие дети? Зачем? Чтоб, как сам по приютам? Один я.

– Ну, значит невесту тебе подыщем, – подмигнул я.

– А ты похож на него, – хмыкнул он. – Не рожей, а повадками. В натуре, похож. Будто он сам в тебя вселился. Как тебя?

– Сергей тоже. Только Иваныч.

Кукуша владел пятнадцатилетним бумером, вернее, бэ-хой, как он назвал свою «пятёрочку». Он достал из кармана здоровенный телефон и включил навигацию. Я удивления не проявил, но удивился. Он ввёл адрес и всё, понеслось – поверните направо, поверните налево, впереди радар.

Зелёная поляна оказалась новым микрорайоном, построенным, как Вегас посреди чистого поля и вынесенным прилично за город. То есть, по сути, это была отдельная деревня или даже городок с собственной инфраструктурой.

– Сначала тут коттеджный посёлок построили для крутых, – просветил меня дядя Слава Кукуша. – Ну, а потом уже и остальное пристроили – школу там, кабаки, магазины, всё вот это.

Выглядело круто и дома тут попадались просто атас, явно

не на трудовые доходы построенные.

– Через двести метров поверните налево, – скомандовала тётя из навигатора, Кукуша крутанул баранку и притормозил.

– Не проедем, – сказал он, остановился и вытер носовым платком лоб.

Он был в мягкой спортивной куртке и дешёвой рубашке, расстёгнутой на три пуговицы, по причине невозможности обхватить толстую шею. Седая поросль буйно кучерявилась в этом глубоком декольте.

– Вижу, – прищурился я. – Вижу.

В конце улицы был опущен шлагбаум, а в будке рядом сидели охранники.

– Неплохо окопались буржуи, да? – просипел Кукуша.

– Ладно, здесь стоять не будем, чтоб не палиться, – кивнул я. – Езжай туда, вон, где кафешка. Да, да, туда. Посидишь там, пока я тут осмотрюсь.

– Точно? – нахмурился он. – Помощь не нужна?

– Точно, – кивнул я. – За поворотом остановись, я выйду.

Я выскочил и двинул в сторону КПП.

– Здравствуйте. Я к Шалаевым.

– Заявки нет, – равнодушно ответил охранник. – Кто такой?

– Одноклассник.

– Документ нужен.

Паспорт у меня был с собой.

– Саня, позвони, – отвернулся он в глубь сторожки. – Сергей Краснов, одноклассник.

Разговор по телефону я не слышал, но через минуту из будки высунулась рука с моим паспортом.

– Проходи. Четвёртый дом с левой стороны.

– Знаю, – небрежно бросил я и прошёл через калитку.

В охраняемой зоне находилось двенадцать крутых вилл, построенных по типовому проекту. Такие хорошо бы смотрелись на берегу океана. Стекло, бетон, шум прибоя и звук падающих перезрелых кокосов. Впрочем, заборы, хоть и охрененно дорогие, портили вид и не давали как следует рассмотреть территорию. Мешали, так сказать, оперативным действиям.

Я дошёл до виллы, которую назвал охранник и остановился у калитки. Нажал на звонок и замок щёлкнул. Я толкнул дверь и переступил порог. Сердце колотилось, пытаюсь пробить хилую телесную оболочку Серёжи Краснова и выскочить наружу.

Двор оказался неудобным – большим и пустынным. Всё, что здесь было – зелёный газон, дом и унылый забор. Я прошёл по дорожке, выложенной жёлтой тротуарной плиткой до бетонных ступеней, ведущих на террасу, поднялся и подошёл к входной двери. Она была приоткрыта.

Постучал. Ответа не последовало. Постучал ещё раз. Получил тот же результат. Тогда я тихонько толкнул дверь, вошёл в прихожую и громко крикнул:

– Здравствуйте!

– Проходи! – раздался издалека женский голос.

Был ли это голос Кати, я не понял, но сердце забилося просто с бешеной частотой. Я скинул кроссовки и пошёл по блестящему мраморному полу. Коридор с эстампами в золотых минималистичных рамах привёл в просторную гостиную. Здесь пол был тоже мраморным, у камина стоял роскошный кожаный диван, а в другой стороне – белый сияющий рояль и большой плоский телек. С высоченного потолка свисала замысловатая люстра из чёрных палок и золотистых шаров.

– Ты где там? – снова послышался голос.

– Здесь.

– Где здесь-то?

И тут я увидел её...

Она вошла нетвёрдой походкой. Длинные пепельные волосы спутались, шикарный шёлковый халат был распахнут, показывая мягкую хлопковую пижаму. На ногах были наде- ты нелепые шлёпки с непропорционально огромными мехо- выми помпонами.

И мне очень захотелось, чтобы это была не Катя. Женщи- на выглядела помятой и уставшей от жизни, с тёмными кру- гами под глазами и глубокой складкой на лбу. В руках она держала здоровенный бокал с вином и открытую бутылку.

– О! – удовлетворённо воскликнула она и кивнула. – Это кто тут у нас?

– Я Сергей, одноклассник Матвея.

– А сколько сейчас? – нетрезво удивилась она. – Он же в школе.

– А его на первом уроке не было, я думал он забил сегодня.

– Чё сделал? – вскинула она брови и громко засмеялась. – Забил?

– Ну да, а что такого? – пожал я плечами и отвернулся.

Видеть её было нестерпимо. Особенно в таком виде. Катя, юное создание, чистая душа, девочка-мечтательница, что, что с тобой случилось? Что ты пережила за последние тридцать лет?

Мрамор задрожал и заходил ходуном у меня под ногами, а по огромным панорамным окнам полились потоки, претворяющиеся дождём. Впрочем нет, по-прежнему светило солнце и пол демонстрировал непробиваемую твердь.

– Да, согласилась она. Ничего такого. Пошли за мной!

Пару дней назад она не разрешала говорить мне «пошли», потому что правильно было «пойдём», а теперь вот... Я вышел из комнаты вслед за ней и попал на кухню, сумасшедше дорогую и полную сияющей техники.

– Садись.

Она поставила на стол бокал и налила вина.

– Пей.

– А мне можно?

– Человеку, забившему на уроки, можно. Скажешь, Катя

Шалаева разрешила.

– Ладно, – кивнул я, взял бокал и пригубил.

Садиться не стал, а остался стоять напротив неё.

– Знаешь, что такое фуагра?

– Циррозная печень гуся?

– Фу, зачем такие гадости? Вот, ешь. Закусывай. А то напьёшься, что я делать с тобой буду?

Она засмеялась и сделала несколько больших глотков. Я смотрел на неё и мне она не нравилась. Не нравилось то, во что она превратилась. Судя по лицу, по цвету кожи, по отёчности, упражнения с винчиком были регулярными, если не ежедневными.

И, тем не менее, это была моя Катя. Постаревшая на тридцать лет, не знаю через что прошедшая, но та же самая девочка, которую я видел последний раз позавчера. Если бы можно было оказаться снова там, я бы всё изменил, но как попасть туда я не знал. Может, надо было, как в сказке, подойти и поцеловать её? И тогда она, как спящая красавица, проснулась бы и...

– Хороший у вас дом, – сказал я. – Красивый.

– Нравится? – ухмыльнулась она.

– Да.

– Мне тоже. Муж оставил, когда разошлись.

– Давно?

– Несколько лет назад.

Она вылила себе остатки вина и, открыв дверцу, бросила

пустую бутылку в мусорный контейнер.

– А чего так? Вы же красивая.

– О! Compliments? Спасибо. Видимо недостаточно красивая, а может, не достаточно самой красоты... Кто его знает. Ты мужик, ты мне и скажи, «чего так».

– Я бы от вас не ушёл, – пожал я плечами, и она захохотала, пьяно и вульгарно.

– Хороший мальчик, – заявила она, отсмеявшись.

– Да вы ещё и не старая. Пятьдесят два разве возраст?

– Ну, ладно, заканчивай цифрами жонглировать, а то разожжёшь в груди пожар, а потом в кусты, как в песне. А?

Она снова растянула губы в улыбке и достала из кармана телефон. Потыкала по экрану и вдруг из шерстяного бочонка на столе полилась музыка.

Что ж ты, фраер, сдал назад,

Не по масти я тебе –

Ты смотри в мои глаза,

Брось трепаться о судьбе....

Ведь с тобой, мой мусорок,

Я попутала рамсы,

Завязала узелок,

Как тугие две косы....

Катя громко подпевала, хотя раньше такие песни на дух не переносила.

– Открой, – велела она достав из шкафа новую бутылку. – А то скучный какой-то. Не поёшь не танцуешь.

– А может хватит?

– Это ты будешь решать что ли? – нахмурилась она. – Я женщина свободная, ясно тебе? Сама себе хозяйка. Наливай, сказала! Я ведь и без тебя откупорю, а тебе стыдно будет. Мужёнок мой бывший взял молодую мокрощелку, и она его ублажает с утра до вечера, а мне старой боевой подруге подарил безбедную старость и двух детей. И винный погреб ещё со старых времён.

– Ну, уже кое-что, не такой уж плохой вариант, – бросил я.

– Отличный вариант, – пьяно согласилась она. – Стопроцентный. А ты кто вообще такой? Ты Мотин друг что ли?

– Я бы так не сказал, – покачал я головой.

– Ну, да, – согласилась она. – У Моти друзей нет. В принципе, это и к лучшему, как думаешь?

– Не соглашусь, – ответил я.

– Ну и дурак. Ты ещё маленький, не знаешь ничего. А друзья ведь предают. И так больно предают. И жёны предают. И мужья. Вот тебя предавали когда-нибудь? А меня предавали. Столько раз... столько раз...

– А ты? – спросил я и стиснул зубы.

Откуда-то из глубины вырвалась злость и за клубилась, понеслась по жилам.

– Что? – подняла она брови.

– Ты предавала?

– Я? – дёрнулась она и тут же сникла. – А как же... Предавала. Как последняя сука. Один только раз, но сразу по-

крупному. Бац!

Она с размаху грохнула по столу бокалом, и он разлетелся на тысячу осколков.

– Наливай, сказала! Пока я тут исповедываться не начала! Я ведь с тех пор живу без сердца. А что человеку без сердца нужно? А?

Она засмеялась.

– Побольше выпивки, вот что!

– Ну, у тебя же дети, – пожал я плечами. – Какая может быть выпивка?

Она засмеялась ещё громче. Захохотала.

– Детям нужны только бабки. А остальное им похеру!

– А тебе? – спросил я и взял тонкое белое полотенце.

Я осмотрел её ладонь убрал осколки и аккуратно обвязал полотенцем руку. Злость никуда не делась, но она бурлила внутри, не вырываясь наружу.

– Мне? – пожала она плечами. – Тоже бабки. Меня ведь никто силком не тащил. Мне сказали, смотри, вот любовь, а вот счастье. Тут, где любовь, трудный путь, голая жопа, задержки зарплаты и другие испытания, но зато с милым в шалаше. А вот тут, где счастье, тут дом-полная чаша, модные тряпки и циррозная печень гуся с утра до вечера. И я выбрала счастье. Правда, не знала тогда, что счастья не бывает. Но любовь, говорят, тоже проходит. Правда этого я так и не узнала. Вот и всё. А знаешь, почему я бухаю?

– Потому что муж бросил?

– Дурак ты, – засмеялась она. – Это ж радость, наоборот. А бухаю я... нет, культурно выпиваю, потому что не могу раскаяться. Потому что я так и не пожалела о том выборе, который сделала. Ни-ра-зу...

– Понятно, – выдохнул я. – Вот и ответ. И, в общем-то, ответ не на один, а на множество вопросов.

– А ты философ, – подмигнула Катя. – Да? Только вот кавалер х**вый! У дамы не нóлито, а он разглагольствует.

– Ладно, Катя, пойду я. Всё, что мне нужно было понять, я понял.

– Да неужели? – с вызовом спросила она. – И что именно ты понял?

– А то, что всегда нужно двигаться только вперёд, в какой бы точке не оказался. Возвращаться в прошлое, похоже, плохая идея. Ты ничего не изменишь.

На самом деле, если бы я нашёл возможность рвануть назад, я бы изменил. Я бы точно изменил, но Кате об этом знать было не обязательно. Тем более, что на неё эти мои слова произвели совершенно неожиданное впечатление.

Она замерла, и глаза её широко открылись.

– Как-как? – прошептала она и по щекам её потекли слёзы, буквально брызнули из глаз. – Как ты сказал? А ну, повтори...

– Я сказал, что в последнее время очень хотел отмотать время и вернуться назад. Хотел исправить кое-что, но сейчас вот понял, что...

– Это чё здесь такое? – раздался вдруг резкий голос.

Я обернулся и увидел перекошенное от ярости лицо Мэта.

– Ма, ты почему плачешь? Что он сделал?! Ну ты и мразь, Крас! Большой урод! А ведь я тебя предупреждал! Конец тебе, Красивый!

Он пнул стул, преграждающий ему путь, и бросился на меня.

6. В своей шкуре

Сила есть – ума не надо. Это не правило, а правда жизни, выраженная в короткой и ёмкой фразе. Многие человеческие особи неосознанно поступают, руководствуясь именно этим принципом. И Матвей Шалаев, получивший фамилию матери, а не отца, действовал именно так.

Кстати, любопытно, почему он не стал Щегловым... Надо будет выяснить при случае. Возможно, никакого официального брака не было с самого начала. А что, удобно собственность оформлять не на близкого родственника, а на как бы чужого человека... Мне вдруг очень захотелось всё это разнести, выжечь, стереть – и собственность, и её обладателей, и саму память о них – дотла.

Мэт кинулся напролом, не отдавая себе отчёта, что будет делать. Ярость и самоуверенность – вот, что, по всей видимости, двигало им. В своём доме, как известно, и стены помогают. Ну, а мне, в отличие от Катиного сына, рассчитывать на помощь стен не приходилось и на свою физическую мощь

тоже. Можно было бы задавить морально, но этот дурак пёр, как носорог.

Так что в данный конкретный момент мне оставалось только быть подвижным и демонстрировать хорошую реакцию. Для этого сноровка, конечно, тоже не помешала бы, но где ж её взять, если Серёжа Краснов был ленивцем и рохлей?

Я просто стоял и смотрел на неотвратимо надвигающийся локомотив. А потом, в самый последний момент, когда столкновение было уже практически неизбежным, резко ушёл в сторону, отклонился, крутанулся и оказался в тылу у Мэта. А он пронёсся мимо и немного сам себя наказал, врубившись рогом в дверцу кухонного шкафа.

– Что ты делаешь, Мотя! – воскликнула Катя, а он взревел от обиды и снова бросился на меня.

На этот раз он сменил тактику, и широко расставив свои длинные ручищи, чуть наклонился вперёд, и двинулся ко мне. Так что сменить тактику пришлось и мне. Я схватил со стола звуковую колонку и бросил ему. Как надувной мяч на пляже.

Он, разумеется, тут же её схватил, а я сделал шаг и подсёк. Пнул по лодыжке и он, не имея возможности балансировать руками, грохнулся на пол.

– Что ты делаешь!?! – грозно воскликнула Катя.

– Всего лишь пытаюсь обороняться, – пожал я плечами.

– Да не ты!

Впрочем, разбирательства в её планы не входили. Она

разочарованно и нескоординированно махнула рукой, развернулась и нетвёрдой походкой двинула из кухни. Ну, а Мэт не собирался разлёживаться и вскочил на ноги. Он отбросил колонку и тут же снова напал.

– Заканчивай дурака валять, – бросил я и подставил под удар разделочную доску вырезанную из оливкового дерева.

Канаве с фуагра, мягким сыром и ветчиной разлетелся, как праздничный фейерверк, а Мэт завыл и замахал ушибленным кулаком.

– Хорош орать, – воскликнул я и легонько хлопнул его доской по чайнику. – Как девка.

Он отпрянул и бросился к красивой деревянной подставке, из которой торчали рукоятки ножей. На мгновение отвернулся, а когда снова стал лицом ко мне, в его руке блеснул внушительный мясорез. Ну идиот, что ещё сказать. Если хватаешься за нож, будь готов его применить. Но главное даже не это. Будь готов ответить по закону.

– Я тебе сейчас ливер выпущу... – прохрипел он. – Подходи.

Он замер, будто фотография танцора в кульминационный момент балета.

– А ты представляешь, что будет, когда ты вспорешь мне брюхо? – усмехнулся я.

– Ты сдохнешь, урод! А папа меня по-любому отмажет.

– Папа, может, и отмажет. Но я не про это. Если сделать достаточно большой надрез, внутренние органы вывалятся

наружу, и сначала ты увидишь мой кишечник. Знаешь, какого он цвета? Серый, как ливерная колбаса. Ты пробовал ливерную колбасу? Нет, наверное. Мои кишки, покрытые слизью и кровью, будут блестеть. Кровь тоже будет, не сомневайся. И, если ты ударишь достаточно сильно, из кишок начнёт выползать содержимое. То, что я ел и то, что переварил желудок. Ну, и запах будет соответствующий. Он распространится моментально и к твоему горлу подкатит ком. Тебя, скорее всего тошнит. Всех тошнит, когда они впервые видят эту картину. Кровь, слизь, дерьмо и вонь. А потом начнётся настоящий ад. Я буду орать. Твоя мама будет орать, ты сам будешь орать. Прибегут охранники, приедут менты. Ужас. Ну, давай, попробуй, полосни меня своим ножичком.

– Большой урод, – прохрипел Мэт.

Он явно не ожидал услышать то, что я сказал. Я улыбнулся. Он выглядел обескураженно, побледнел и даже, как будто, смутился. Дождаться, когда пройдёт это его смущение и шок я не планировал и не стал. Одним движением подхватил тяжеленную хрустальную сахарницу, стоявшую на столе и метнул ему в лоб.

Не рассчитал, конечно. Сахарница полетела, как комета Галлея, оставляя за собой красивый искрящийся хвост. Но силы Серёжи Краснова были совсем не такими, как я привык, и вместо того, чтобы шарахнуть ему по лбу, сахарница саданула Матвею по зубам. Он дёрнул головой оступился и грохнулся на спину. По лицу его потекла кровь, смешиваясь

с белыми кристаллами. Получилось очень художественно.

Я осторожно, чтобы не порезаться, отпихнул ногой выпавший из его руки нож и наклонился над поверженным и перепуганным Мэтом.

– Не будь дураком, Матвей, – покачал я головой. – Я ведь не собирался с тобой драться. И маму твою я не обижал. Просто она выпила немного лишнего и расчувствовалась, вспомнила молодость.

– Я тебя урою, урод, – прошипел он.

– Глупо, – вздохнул я. – Надеюсь, ты и сам это понимаешь.

– Какого хера ты сюда припёрся?!

– Хотел поговорить. Тебя в школе не было, а мне надо было с тобой кое-что обсудить. Вчерашнее происшествие.

– Чё тебе надо?

– После вчерашнего всё изменилось, Мотя.

Он дёрнулся. Видать такой вариант имени ему не нравился, а Катя его так называла.

– Ты очень плохо поступил вчера, – усмехнулся я. – И теперь я тебе ничего не должен.

– Чё ты сказал?! – воскликнул он и попытался вскочить, но я прижал его к полу ногой.

– Тихо. Я сказал, что хер тебе, а не лавэ, ясно? Теперь с тебя самого бы бабки взять. Я ведь буду долго лечиться, восстанавливаться, понимаешь? А на это нужны деньги. Да вот только поганые бабки твои нормальному человеку даже в руку взять противно.

– Ты попутал? – зарычал он и попытался сбросить мою ногу, но я не позволил.

Я надавил сильнее и направил указательный палец ему в лицо.

– Приберись здесь, – сказал я. – И больше не хулигань.

После этого я спокойно и медленно вышел из кухни и двинулся в сторону выхода. Того, что Мэт снова нападёт, я не опасался. Он был обескуражен и не мог ещё осознать, что потерпел поражение в противоборстве с тем, кого безнаказанно третировал долгое время. А вчера вообще чуть не убил.

Катя лежала на диване в гостиной и храпела. Негромко, но вполне уверенно. Я на мгновение остановился, глядя на неё, но потом махнул рукой и покинул этот прекрасный гостеприимный дом.

В груди саднило. И голова разболелась. И вообще, хреновый получился визит, безрадостный.

Кукуша отвёз меня в город.

– Меня не ищи, – кивнул я, когда мы вернулись к бане, – я тебя сам найду.

Так говорили бандиты в советских фильмах, и я просто хотел немного разрядить обстановку, но Кукуша воспринял это всерьёз.

– Лады, – ответил он, и я едва сдержался, чтобы не засмеяться. – Слушай Серый, я тебе кое-что отдать хочу. Мне от Бешеного досталось. А сейчас... а сейчас, может и тебе сго-

дится.

– И что же это такое? – поднял я брови, догадываясь, о чём он может говорить.

– Поехали, сам увидишь. У меня хата тут, неподалёку.

Кукуша жил в двушке на Орджоникидзе, в пяти минутах от бани пешком. Но поехали мы на тачке, потому что его комплекция не способствовала пешим прогулкам.

– А ты у врача наблюдаешься? – спросил я.

– У какого ещё врача? – нахмурился он.

– Ну, у кардиолога, например.

– Чё? Ну... да, есть такое дело...

– А он тебе не говорил, что надо пешком побольше ходить?

– Ты чё, зачем? Я в бане парюсь каждую неделю. Мне не обязательно.

– Кукуша, не гневи Всевышнего. В баню он ходит. Гулять надо.

– Слышь, Бешеный номер два, чё наезжаешь-то? Когда мне гулять-то?

– Ну уж найди время.

Жил он на втором этаже и весь взмок, пока дошёл по лестнице до своей квартиры.

– Заходи, – кивнул он, – открывая дверь.

Подвоха я не ожидал. Не мог допустить мысли, чтобы Кукуша предал память о Бешеном. Я ведь уже сталкивался с предательством, причём, последний раз совсем недавно, но

этому простому и не многомудрому Кукуше верил.

Возможно, это было глупо или наивно, но превращаться в мудака, который в каждом подозревает только дурное, мне не улыбалось. Поэтому я смело перешагнул через порог его квартиры.

Никитос мне сто раз говорил, что так нельзя.

– Все люди подлые твари, – сказал он мне всего-то несколько дней назад, когда уже знал все расклады. — Ты же мент, Серёга. Ты это должен лучше других знать. Погоришь ты через свою доверчивость. Все люди подлые твари. Запомни. Вообще все.

– И ты тоже? – спросил тогда я.

Он плюнул в сердцах и вышел из кабинета, ничего не ответив...

– Вот так и живём, – вырвал меня из воспоминаний Кукуша.

– Неплохо, – кивнул я. – Козырная хата, в самом центре. Женской руки только не хватает.

Квартира давно не знала ремонта. Мебель была допотопной, стариковской. Ощущение складывалось такое, будто хозяин давно махнул на себя рукой и просто доживал оставшиеся ему годы. А ведь он был не старым, ещё и пятидесяти не исполнилось.

– Да какой женской, – заколыхался Кукуша от смеха, впервые, кажется расслабившись за сегодня. – Опять ты за своё. Пивас будешь?

– Пиво? – удивился я. – Нет, спасибо.

– Ну да... ну да... Вот, короче. Смотри.

Он подошёл к большому полированному шифоньеру и открыл дверь. Достал плечики, одежда на которых была заботливо завёрнута в старый пододеяльник, служивший чехлом. Я усмехнулся. Ну как вот не верить этому сентиментальному толстяку, тридцать лет хранящему мой подарок?

– Смотри. Мне сам Бешеный подарил. Свою отдал. Там ситуация сложилась... Короче вот. Щас на меня не лезет, ясно дело...

– И ты всё это время её хранил?

– Кого её? – нахмурился он.

– Ну, а что там у тебя?

– Кожанка, чё? Хранил, да. Мне кент один масло норковое подогнал. Он сапожник, в натуре. Настоящий, не по приколу. Мажь, говорит, и будет двести лет, как новая. Короче, отдаю тебе. Ты же наследник.

Он вытащил из чехла мою куртку. Ту самую, что я ему отдал в прошлом году. Так уж вышло. Он очень хотел, а бабок не было в тот момент. Сказал, что пойдёт точку грабанёт, а я снял с себя и отдал ему, типа, мечтать надо о великом. Она была ему большой, но он её таскал, не снимая. Обрадовался очень.

Я взял куртку. Удивительно, но она выглядела вполне даже ничего. Не новая, конечно, хорошо потрёпанная, но целая, не потрескавшаяся, чистая. Короткая, до пояса, сшитая

из толстой кожи, на молнии, с карманами. Я нашёл царапину на внутренней стороне. В заварушке одной получил... Да, это была она. Я улыбнулся.

– Ну, ты даёшь, Кукуша. Сохранил в таком состоянии. Но я не могу взять, не обижайся. Это твоя история, память, я не знаю. Не могу.

– Возьмёшь! – твёрдо произнёс он. – Возьмёшь. Мне её Бешеный дал, а я даю тебе. Я тогда был, как ты сейчас, понял? Если Сергей Михайлович живой, то, даст Бог, может, и свидимся когда-нибудь. Значит, и хранить ничё не надо, врубаешься, бакланчик?

– Врубаюсь, – подмигнул ему я. – Спасибо, дядя Слава.

Я натянул куртку. Мне она была тоже велика, как и ему тогда. Но на сердце стало спокойнее, будто я оказался «в своей тарелке», и в этом чужом мне мире получил защиту магических доспехов. И даже злость, засевшая в сердце после свидания с Катей, отступила.

– Круто, Кукуша. Очень круто. Благодарю тебя. Будто, нахожусь и в чужой шкуре, и одновременно в своей.

Без пятнадцати четыре я явился к спортивному центру на Кузнецком. Подождал минут пять и увидел неспешно приближающегося Рожкова.

Он пренебрежительно меня осмотрел и покачал головой.

– Как я только согласился такое чучело показать Артурычу? Ладно, дришидзе, пойдём со мной.

Мы поднялись в раздевалку. Илюха поздоровался со всеми по ручке, а меня не представил. Парни смотрели на меня с удивлением, но ничего не говорили, реагировали сдержанно. Переодевшись, он просто молча вышел.

— Алё, ты не позабыл, что я типа с тобой? — окликнул его я.

Он недовольно глянул на меня и ничего не ответил. Нахмурился только.

— Рожков, это что за пугало с тобой? — спросил с лёгким кавказским акцентом коренастый кривоногий мужик с широкой грудью у двери в зал.

Он походил на краба, расставившего клешни. Его чёрные смоляные волосы были зачёсаны назад, нос загибался крючком, а глаза смотрели так, будто он, по меньшей мере, был принцем крови.

— Тер-Антонян? — кивнул ему я.

Раньше мне часто приходилось слышать, мол, город маленький, все друг друга знают. Это было огромным преувеличением, естественно, и на практике редко, когда срабатывало. А вот гляди ж ты.

— Икар? В смысле, Икар... Артурович?

— Ты кто такой? — грозно рыкнул он и сделал страшное лицо.

Я едва сдержался, чтобы не засмеяться.

— Много о вас слышал. Хорошего, естественно.

— А вот я о тебе ничего не слышал, — с презрением произнёс он. — Это кто, Рожков?

– Я его одноклассник, – ответил я. – Очень хочу у вас заниматься.

– Ты себя в зеркале видел? – сдвинул он брови и стал похож на кентавра без задней части. – Я сейчас дуну и ты поваляешься, переломаешься весь! Ты, наверное, зал с поликлиникой перепутал, а?

– Да ладно, – пожал я плечами. – Вы сами-то как начинали? Тоже небось, как воробышек выглядели?

– Ты чё сказал? Воробышек?! Рожков, это чё, приколы такой? Щас будешь всю тренировку на турнике работать, понял? Убирай это пугало. Ты зачем его приволок, у тебя что с головой?

Рожков глянул на меня так, будто хотел взглядом воспламенить.

– Ну я так-то кое-что знаю, несколько приёмчиков. А физику... Её быстро можно наработать. Вы же понимаете.

– Нет, он ещё и рот открывает. Ты откуда такой наглый? Воробышек.

Тер-Антонян появился пару лет назад. Ну, то есть там, в прошлом теперь уже. Мы с парнями ходили тренироваться в «Динамо» на Красной, и однажды он там нарисовался. Тощий, задрипанный, только приехал из области. Его тогда участковым назначили.

– Ты кто такой? – пренебрежительно спросил его Никитос.

– Я Икар, – ответил он.

– Какой ты Икар? – засмеялся в ответ Никита. – Воробышек ты. Или грачонок.

И хоть он был чернооким и черноволосым, прилепился к нему именно Воробышек, на контрасте с гордым именем Икар. Но это было тогда, в далёком для него прошлом. А сейчас он прищурился, подумал немного и процедил сквозь зубы:

– Ладно, Воробышек. Покажешь, что там за приёмчики. Но сразу скажу, шансов у тебя примерно ноль, парень. Ясно? Так, заходим в зал, разминаемся. Чернов, ну-ка, иди сюда.

Мы вошли в зал.

– Чернов, – снова позвал Икар. – Давай-ка, вместо разминки покидай это тощее пугало. Но смотри только, не сломай ненароком. Аккуратненько, как ты умеешь.

Все загоготали.

– Тихо все! Делом займитесь.

Чернов, моего роста, но более мощный, подошёл, хмыкнул и начал меня мотать. Бросал, гнул и всячески куражился. И вдруг, когда он уже совершенно расслабился и перестал ожидать от меня ответа я сделал такую штуку. Он схватил меня за футболку, на груди, типа как за кимоно, а я резко опустил кисть левой ему на запястье, прихватил, а правой, локтем, рубанул по локтевому сгибу, затащил себе за спину, развернул и обрушил вниз.

– Эй! – заорал Икар, как потерпевший. – Ты что сделал?! Ну-ка повтори. Чернов, схвати его ещё раз. Точно так же!

Чернов сделал захват и я снова крутанул его, но уже в другую сторону. Икар рот открыл.

– А ну, ещё раз!

И я продемонстрировал третий вариант. А потом ещё несколько раз по кругу. Хваты и броски были очень необычными. Я их из Афгана привёз. Был там у нас один узбек старший сержант, он в рукопашке просто королём считался. И имел кое-какие приёмчики собственного, так сказать, изобретения. И я Икару это показывал. Ему тогда это страшно понравилось.

– Ты где это увидел? – набросился он на меня.

– Да, показывал один дядя, – усмехнулся я.

– Какой дядя?

– Мой дядя. Только он скончался уже.

– Как зовут твоего дядю?

Ну, имя я выдавать не стал. Брякнул что-то от фонаря. Но Икарчик остался очень доволен. В общем, я его хоть немного, да впечатлил.

– Так что, берёте меня, Икар Артурович? Можно на следующую тренировку приходить?

– Ладно, Краснов, приходи. Я тебе сейчас разложу всё, что ты будешь делать. Каждый день, понял? Каждый! И питание тоже. А там увидим, будет с тебя хоть какой-то толк или нет. Но задатки ты имеешь, конечно, только нос не задирай. Задатки все люди имеют. От рождения, ясно? А вот сможешь ли ты их развить, зависит от упорства, дисциплины и от ге-

нетики. Так-то, Воробышек.

До дома я еле дошёл, если честно. Вымотался на тренировке так, что ноги еле переставлял. Всё-таки Серёжа Краснов был тем ещё ботаном. В жизни, наверное ни одного отжимания не сделал. Но ничего. Это дело мы поправим, конечно. Правда, не сразу. Но и Москва не один день строилась...

С другой стороны, мне на душе полегче стало. Раны-то ещё свежие были, да только за время занятия я про Катю ни разу не вспомнил. Ни одного. Да и после увиденного сегодня...

– Сергей!

Я обернулся. На скамейке около моего подъезда сидела Елена Владимировна, Алёнушка с урока литературы.

– Здравствуйте, – нахмурился я. – А вы чего на лавочке?

– Здравствуй, – покачала она головой. – Пришла вот с тобой мамой поговорить, а её дома нет. Ты почему в школе не был?

– Как не был? – пожал я плечами. – Я ведь даже отвечал у вас на уроке.

– Да. А потом? Ушёл и не вернулся?

– А в чём дело-то?

– Серьёзно? Не знаешь в чём дело?

– Ну... Я плохо себя почувствовал, вот и ушёл... А что

случилось?

– Случилось, – печально и даже немного обиженно показала она головой и прижала руку к взволнованно вздымающейся груди. – Случилось, Серёжа. Кое-что очень и очень неприятное...

7. Значит, будем здесь приживаться

Я посмотрел на Алёнушку повнимательнее. Выглядела она расстроенной.

– Твоя мама не ответила на сообщение и в родительском чате она совсем неактивна.

– Вы её прорабатывать пришли? – поинтересовался я.

– Да причём здесь это? – взмахнула она руками. – Просто не хотела вызывать её в школу, потому что... – она замолчала, подыскивая слова. – В общем, чтобы не обострять, там у нас и без того, знаешь ли...

– Так что случилось-то?

Она поджала губы и прищурилась, как ребёнок.

– Ну, пойдёмте, я вас чаем угощу, – предложил я. – Мама, наверное, скоро придёт.

Блузка у неё на груди была натянута и глаз невольно зацепился за расстёгнутую пуговицу.

– Какой чай! – вспыхнула она, отследив мой взгляд. – Что у тебя в голове, вообще? Чаем он меня напоит. Когда мать придёт?

– С минуту на минуту. Пойдёмте, а то как-то странно на

скамейке у подъезда торчать.

В этот момент подъездная дверь распахнулась и оттуда выскочила весёлая Глотова, а следом за ней появился парняга с довольной рожей. На ней была микроскопическая юбка и объёмная куртка, а на нём широкие джинсы и большущая толстовка. Лицо у него было дерзким, но счастливым, будто блин масляный съел.

– Это что на тебе такое, Красивый?! – распахнула глаза Настя, уставившись на мою куртку, но тут же заметила училку. – Ой, здравствуйте, Елена Владимировна.

– Здравствуйте, ребята.

– Здравсьте, – пробурчал пацан.

– Куда это вы такие весёлые, Феоктистов?

– Да просто... – туманно ответил он.

– Настя!

– Мы погулять, – с вызовом ответила Глотова, глядя не на училку, а на меня, прямо в глаза. —Последние тёплые денёчки... Чисто на слэйе. Может, в кафешку зайдём, или там суши поедим... Увидим.

Вот так-то, как бы говорила она, делай выводы.

– Опять эти дурацкие англицизмы. – нахмурилась Алёнушка. – Феоктистов, а ты тройку свою исправлять собираешься?

– Чё за куртка стрёмная? – шепнула Настя и быстроглянула на училку. – Ты чё с Альфой мутишь? Ну тогда да, прикид скуфа – то, что надо.

– Собираюсь, – понуро ответил Феоктистов.

– Погнали, Миш, – скомандовала Глотова, хватая его под руку, и потянула от подъезда. – До свидания, Елена Владимировна.

Училка покачала головой, глядя им вслед.

– Хорошо, что не я её классный руководитель. Потому что её тоже будут исключать.

Слово «тоже» мне не понравилось.

– За что? – нахмурился я.

Она не ответила.

– Ладно, Елена Владимировна, – кивнул я. – Пойдёмте, а то люди подумают, что мы тут с вами «мутим» у подъезда.

– Что? – вспыхнула она. – Это она такое сказала?

– Нет, – усмехнулся я, – по глазам прочёл.

– Вино будете? – спросил я, когда мы уселись за кухонным столом. – Ничего, что так, по-домашнему, на кухне?

– Ты с ума что ли сошёл?! Какое вино?!

Альфа снова покраснела.

– Во-первых, я вообще не пью. А, во-вторых, как ты себе представляешь учителя, распивающего алкоголь с собственным учеником?

– Да ладно, вы же не при исполнении, – хмыкнул я. – И разница в возрасте каких-то жалких пять-шесть лет всего.

Если бы не боялся убить хилого Серёжу Краснова, я бы

маханул, честно говоря. В груди-то у меня горело. И пожар этот нужно было тушить. Тушить, сука, тушить. Нет, я, конечно, понял, как не понять, она прямым текстом сказала, что мол, предала и не жалею. Но если она, напившись, начинает говорить об этом через тридцать лет...

– Прекращай, даже не смешно, – нахмурилась классуха. – Ты же неглупый мальчик, Серёжа. Нечего из себя Эмануэля Макрона строить.

– Кто это? Автор эротических рассказов?

– Очень смешно. Ты, между прочим, сегодня здорово выступил на уроке. Не по программе, конечно, но собственное мнение ученика даже ещё более ценно. Я поняла, что ты не просто для галочки изучил произведение, а думал о нём, возможно, читал дополнительную литературу. Это ведь замечательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.